Анатолий Дроздов

Беспризорный князь

1С паблишинг

Анатолий Федорович Дроздов

Беспризорный князь

Серия «Хозяин дракона», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5809953
Беспризорный князь: 1С-Паблишинг; 2020

Аннотация

Вчерашний беспризорник, из родного XXI века переместившийся в Киевскую Русь, становится могущественным князем. Возмужав в битвах, Иван мудро правит Галичем. Княжество его богатеет, подданные довольны. Только недоволен сам «беспризорный» князь. Далеко не все, что он задумал, удалось. Средневековье диктует свои правила игры, и, воспользовавшись ситуацией, Иван захватывает Волынь. Это вызывает озлобление у его давнего недруга, великого киевского князя Святослава. Обе стороны готовятся к междоусобной войне, но ее останавливает нашествие половцев. Степняки собрали огромное войско – Руси не устоять. Но галицко-волынский князь владеет страшным оружием: огнедышащими змеями-смоками…

Содержание

Пролог	4
1	8
2	26
3	53
4	73
5	94
6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Анатолий Дроздов
Беспризорный князь

Пролог

– Попался!

Левую руку будто тисками сжали – онемела. Скашиваю взгляд. Светло-синюю рубашку распирает солидный живот, под ним, удерживаемые черным ремешком, форменные брюки. Полицейский. И в самом деле, попался…

– Пошли!

Бугай в полицейской форме тащит меня по перрону. Встречные пассажиры скользят равнодушными взглядами. Беспризорника отловили – эка невидаль! Одним попрошайкой на вокзале меньше. Сейчас отведут в дежурку…

Я знаю, где на вокзале комната полиции, но бугай почему-то ведет меня мимо. Мы выходим на привокзальную площадь, сворачиваем в проулок, ныряем в подворотню… Зачем? Здесь нет полиции! Пытаюсь это сказать, но мокрая, потная ладонь зажимает мне рот. В нос шибает запах розового масла. Полицейский пользуется духами?

Меня уже не тащат – несут. Я словно плыву через грязный, замусоренный двор, усыпанный обертками и пустыми пластиковыми бутылками. Я не знаю этого места, я здесь

никогда не бывал. Меня заталкивают в глухую, узкую щель между двумя домами. Кирпичи, из которых сложены стены домов, серые от въевшейся многолетней пыли. Потная ладонь исчезает, в глаза мне прыгает солнечный зайчик. Его испускает лезвие ножа. Оно отполировано до зеркального блеска, широкое и хищно скошенное. Я отчетливо вижу заточенную до бритвенной остроты кромку. Нож движется к моей шее. Это не полицейский! Маньяк! Он перережет мне горло, а затем разделает, как свинью. Маньяки всегда так делают. Они специально выслеживают беспризорников, потому что знают: тех не будут искать…

Пытаюсь кричать, но горло будто морозом схватило. Отчаянно вырываю руку. Она, к счастью, поддается. Я свободен! Бежать! Скорей!

– Ангальязэ мэ[1]!

Счас! Нашел дурака!

– Ангальязэ мэ! Паракало[2]! – канючат над ухом.

Вздрагиваю всем телом и просыпаюсь. Оторопело гляжу по сторонам. Это не Москва. Исчез грязный, пыльный дворик, а с ним – и маньяк с ножом. В узкие окошки ложницы льется зыбкий свет, обрисовывая стены и лавки. Сегодня полнолуние. Я в ложе, рука онемела, а рядом сонно лепечет жена. Все понятно. Во сне я разбрасываю руки, она подкатилась и пристроилась на левой. Жена это любит. Рука зане-

---

[1] Обними меня! (греч.)

[2] Пожалуйста! (греч.)

мела, и мне привиделось, что за нее схватили.

Поворачиваюсь на бок и обнимаю жену. Она обрадованно жмется ближе.

– Досэ му фили[3]!

Чмокаю ее в щечку. В ответ мне сонно тычутся в висок и затихают.

– Калинихта! Сагапо[4]! – шепчу ей в ушко.

Спустя минуту жена мерно дышит. Ложусь на спину и закладываю руки за голову. Левую пронзают тонкие иголочки – отходит. Странный сон. С чего бы? Прошлое я вспоминаю все реже. России двадцать первого века больше нет. За окном – век двенадцатый. Прежнего побирушку и Великого князя Киевского, владетеля земель и народов, разделяют пространство в восемь веков – не преодолеть. И не больно хочется, честно говоря. Никто не ждет меня в современной Москве. Здесь у меня семья, друзья, дети… Женщину, которая дышит рядом, зовут Ксения, она дочь басилевса Византии Мануила Комнина. Не слышали о таком? В своем времени я тоже не слышал…

Она забавная, моя Ксюша. Днем старательно говорит по-русски, а вот ночью – во сне или во время ласк – только по-гречески. Забывается. И девочек наших рожая, кричала по-своему. Хорошо, повитуха греческий знает – Алексий научил.

---

[3] Поцелуй меня (греч.)

[4] Спокойной ночи! Я люблю тебя!

Непонятный сон… Вещий? Кто-то вздумал зарезать князя? Так из желающих очередь стоит… Утро вечера мудренее – разберемся. Вновь поворачиваюсь на бок. Ксюша ощутила и завозилась, пытаясь устроиться на плече. Нет уж! Рука только отошла.

– Пефэно я сено[5]!

Подлиза! Ведь не отстанет! Сую руку ей под шею. Она устраивается и затихает. Опять отлежит. А куда денешься? Захотел быть зятем императора – терпи!

Глаза смыкаются, темнота…

[5] Умираю по тебе!

1

Повозки тащились по броду. Колеса утопали в речном иле, измученные кони, подгоняемые ударами кнутов, упирались ногами в топкое дно, но двигались еле-еле. Люди, бредшие по колено в воде, налегали на повозки плечами, пытаясь помочь лошадям, но без толку. Они, как и кони, обессилели. От долгой дороги, бессонной ночи, понуканий стражей. А те не унимались: брызгая мутной водой из-под копыт коней, скакали обочь, крутя над головой плетками.

– Шибче! Шибче рушай, пся крев!

Удары плетей обжигали бока лошадей. Те вздрагивали, но не прибавляли шаг – усталость была сильнее боли. Перепадало и смердам, недостаточно старательным, по мнению стражей. Те только ниже опускали головы, не решаясь поднять на обидчиков взгляды. За ненависть, горевшую во взорах, могли не только плетью – мечом вытянуть.

Худо-бедно, но колонна двигалась. Выбираясь на противоположный берег, люди отводили повозки в стороны и без сил падали на траву. Лошади замирали на подрагивающих ногах и свешивали головы. Голодная малышня, ехавшая в повозках среди узлов с пожитками (дети постарше брели рядом с взрослыми), тихонько хныкала, но громко плакать боялась: измученные родители были щедры на затрещины. Даже стража угомонилась. Выгнав последнюю повозку на бе-

рег, воины сползли с седел и повалились на траву, подобно смердам. Только предводитель остался в седле. Это был молодой рыцарь, скорее даже юноша, статный и широкоплечий. Пушок, пробивавшийся на верхней губе, делал его лицо по-детски милым. Однако любой, кто заглянул бы в холодные, серые глаза юноши, сразу переменил бы мнение.

Окинув взором табор, Збыслав (так звали юношу слуги) или попросту – Збышко соскользнул наземь, снял стальной шлем и поклонился потемневшему от непогоды кресту, возвышавшемуся неподалеку от брода.

– Нех бендзе пахвалены пан Езус! И ты, Матка Боская…

Продолжить молитву Збышко не успел. Крылатая тень, а следом и другая, скользнули по земле, на мгновение закрыв табору солнце. Испуганно заржал жеребец Збышко, его поддержали кони стражей. Збышко поднял взор, и лицо его скривилось.

– Курва!

Два огромных крылатых змея, пролетев над путниками, развернулись над дальним берегом и приземлились у одинокого дуба, росшего посреди склона. Сложив крылья, змеи присели. На спинах их показались воины в кольчугах и шлемах. В больших корзинах, прицепленных к бокам змеев, виднелись головы других. Как только змеи коснулись земли, воины выскочили. Их оказалось восемь. Из тех, кто сидел верхом, двое тоже спрыгнули. Образовавшийся десяток вытащил из корзин щиты и копья и построился в линию, пре-

граждая дорогу. Один из воинов вышел вперед. Он был высок, широкоплеч, голубые глаза его выделялись на загорелом лице. Золотая икона Божьей Матери украшала граненый шлем воина, отполированные зерцала доспеха блестели в лучах солнца.

– Я князь Иван! – крикнул воин, сложив руки рупором. – Повелеваю бросить зброю и встать на колени! Кто не подчинится – смерть!

– Холера!

Збышко вскочил в седло и закрутил над головой выхваченным из ножен мечом.

– До мне!

Стражники, опасливо поглядывая на змеев, нехотя забрались в седла и сгрудились за спиной предводителя. Тот бросил меч в ножны и отстегнул от седла копье.

– Напшуг!

Отряд всадников, ощетинившись копьями, устремился вверх по склону. Уставшие кони скакали медленно. Но возможно, дело было совсем не в этом. Спутники Збышко, со страхом глядя на змеев, поневоле придерживали животных, отставая от предводителя. А он, увлеченный атакой, не заметил этого. Метя наконечником копья в лицо князю, он мчался по склону.

– Олята! – крикнул Иван воину, сидевшему на ближнем змее. – Подпусти ближе! Не то бегать потом за ним…

Воины князя засмеялись. Тем временем конь Збышко,

подгоняемый всадником, подскакал совсем близко. Переменив решение в последний миг, лях не стал бить с седла и занес руку для броска. Змей заревел: трубно и злобно. У людей на берегу кровь заледенела в жилах. Кони и вовсе обезумели. Они рвались из постромок, вставая на дыбы, сбрасывали всадников, и, освободившись от ноши, летели прочь, не разбирая дороги. Збышко тоже не усидел. Выронив копье, он скатился на землю. Копье потерялось в траве, и Збышко не стал его искать. Выхватил меч. После чего побежал к князю, выкрикивая боевой клич.

– Вот ведь неугомонный!

Иван выдернул из рук ближнего воина копье и развернул его наконечником к себе. Подбежавший Збышко замахнулся мечом, но князь без замаха ткнул древком в колено ляха. Нога Збышко поехала вбок, лях покачнулся и грянулся навзничь. Князь, размахнувшись, приложил древком о шлем врага. Тот охнул и выронил меч.

– Вяжите!

Иван вернул копье хозяину и двинулся вниз. Воины устремились следом. Стражники, устрашенные судьбой предводителя, не сопротивлялись. Один за другим бросали оружие и вставали на колени. Воины князя вязали им руки и, подталкивая древками копий, гнали к дубу. Скоро там оказался весь отряд во главе с предводителем.

– Соберите коней! – приказал Иван дружинникам и пошел к повозкам. Смерды встретили его поклонами. Одна из

женщин, выбежав вперед, бросилась князю в ноги, обхватив его сапоги.

– Что ты?!

Иван, склонившись, поднял женщину.

– Не чаяли, что переймешь. Они… – женщина всхлипнула.

– Насильничали? – посуровел лицом князь.

– Не! – ответил за женщину выступивший вперед смерд. – Только били. Чтоб шибче шли.

– Кто-нибудь помер? Язвленные есть?

Смерд покрутил головой.

– Ты староста?

– Так! – Смерд поклонился.

– Как звать?

– Кубта.

– Идем!

Князь двинулся вдоль повозок, заглядывая в каждую. Испуганные змеем дети глядели на него со страхом. Иван гладил русые головенки, подмигивал, дети оттаивали и робко улыбались в ответ. Кубта, делая озабоченное лицо, семенил следом. Возле одной из телег князь замер. Среди наваленных узлов и прочего скарба лежала женщина. Сыромятные ремешки стянули ей руки и ноги. Рот полонянки был также завязан, а распухшее лицо представляло собой сплошной синяк. На белом теле, видном сквозь разодранную рубаху, виднелись кровоподтеки. Медового цвета глаза невольницы

смотрели на князя с надеждой. Иван вопросительно глянул на старосту. Тот переменился в лице.

– Это кто?

– Ведьмарка… – Кубта замялся. – Поганая. Рядом жила. Роды принимала, лечила… А что? Разве нельзя? Ты не велел поганых трогать.

– За что ее?

Староста потупился и промолчал. Иван достал из-за голенища нож, перерезал путы на руках и ногах женщины, после чего сорвал повязку с ее лица. Полонянка, толкнув языком ком шерсти, забитый в рот, стала выплевывать шерстинки. Иван терпеливо ждал. Закончив, ведьмарка вытерла рот и настороженно глянула на князя. Тот протянул снятую с пояса баклагу. Ведьмарка приникла к горлышку. Утолив жажду, вернула сосуд.

– Как звать? – спросил Иван, цепляя баклагу к поясу.

– Млава.

Голос у женщины оказался молодым и звонким.

– За что били?

– Снасиловать хотели.

– Казал: баб не трогали! – обернулся Иван к старосте. Тот испуганно отступил на шаг.

– Их не трогали, я меня, поганую, можно, – пояснила Млава. – Он сам и подсказал – за дочек своих боялся. Мердал! Чтоб язык твой отсох! – Млава харкнула в сторону Кубты. Плевок угодил старосте прямо в лицо. Тот испуганно закре-

стился. Довольная улыбка тронула разбитые губы Млавы. Иван, протянув руку, помог ей выбраться. Ведьмарка оказалась высокой – почти вровень с князем. Ступив на траву, она покачнулась. Иван поддержал ее за локоть.

– Ноги затекли, – сказала Млава. – Храни тебя Мокошь, княже! Животом обязана! – Ведьмарка пыталась поклониться, но снова качнулась и оперлась спиной о телегу. – Спалить меня хотели.

– За что?

– Срамные уды им заговорила, когда насиловать стали. Сказала: ни у кого не встанет.

– И? – сощурился князь.

– Не встали.

Иван захохотал. Млава терпеливо ждала, когда он отсмеется.

– Они разозлились и стали меня бить, затем связали и бросили в телегу. Рот заткнули, чтоб не кляла – чар моих боялись. Сказали: отвезут к монахам, а те меня спалят. После чего заклятие сойдет. Нет уж! – мстительно сказала ведьмарка.

«У них уже жгут! – подумал Иван, глядя на изувеченное лицо ведьмарки. – Паписты!»

– Кубта! – обернулся он к старосте. Тот подошел, ступая на негнущихся ногах.

– Дай ей новую одежу и… – Иван посмотрел на босые ноги ведьмарки, – обувку какую.

– У меня сапоги были, добрые, – поспешила Млава. – И узел с добром. Все он забрал! – она с ненавистью глянула на старосту.

«Хозяйственный! – усмехнулся Иван. – Прихватизировал. Не пропадать же добру…»

– Верни! – распорядился строго и двинулся дальше. Кубта поспешал следом. Осмотрев табор, Иван подозвал старосту.

– Передохните и бредите обратно. Охрану дам.

– Избы спалили! – пожаловался Кубта. – Налетели с рассветом, рожны схватить – и то не успели.

Староста явно оправдывался. За историю с ведьмаркой, за спешный марш в ляшские земли Иван не собирался его винить. На каждого из стражей приходилось по три смерда, но что они могли против обученных воинов? Правильно сделали, что подчинились, не то порубили бы их в капусту…

– Выгнали нас из хат, велели собрать скарб и зажгли, – продолжил Кубта. – Коров и коней дозволили взять, овечки с курами погорели.

– Видел! – кивнул князь. – Доберешься – скажи тиуну, чтоб помог лесом и людьми. К осени избы должны стоять! Потраву и скот возместят; передай тиуну, что я велел. И вот что. Как погорельцев освобождаю вас в это лето от дани.

– Спаси тебя Иисус, княже!

Кубта упал на колени и приник губами к ладони князя. Тот сердито вырвал руку и пошел к дубу, возле которого ждали дружинники. Один, по прозвищу Жбан, выступил на-

встречу князю.

– Спымали коней! – доложил радостно. – Не успели сбежать. Брони с них, – он кивнул на связанных пленников, – ободрали. Только у одного, – он указал на Збышко, – добрая была. У остатних – худые, а мечи так и вовсе дрянь.

– Какая-никакая, а добыча! – возразил князь. – Не тяжко досталась.

Жбан согласно склонил голову.

– Что с ними? – указал на пленников.

– Сам знаешь! – посуровел лицом Иван. – Раз зброю не кинули… Только не здесь! – одернул дружинника, поднявшего взгляд к веткам дуба. – На своей земле.

– Тогда и сапоги сымем! – обрадовался Жбан. – Им не понадобятся.

Иван поморщился, но возражать не стал.

– Пойдешь со смердами! – велел воину. – Не спешно. Они вымотались – не гони. Через седмицу жду вас в Звенигороде. Сдай их тиуну и вели счесть убыток. Даю вам смока… Зых! – повернулся князь к дружиннику, стоявшему у ближнего змея. – Летишь с ними!

Воин кивнул.

– Зорко гляди! Не ровен час, другие наскочит.

Зых поклонился.

– Мы с Олятой – в Звенигород! Я…

Крик не дал князю договорить.

– Войско!

Дружинник, стоявший на страже, указывал рукой на гребень берега. Там, заполняя горизонт, сгрудились всадники.

– К оружию!

Зых и Олята влезли на змеев и стали привязываться к седлам. Остальные, похватав щиты и копья, встали в ряд.

– Легкая добыча! – сплюнул Жбан, беря копье поудобнее. Иван остался на месте. Поднеся ладонь ко лбу, стал считать незваных гостей. Тех было с полсотни – по пять на каждого из его воинов. Несмотря на численное превосходство, ляхи не спешили атаковать. Один отделился и поскакал к дубу. Дружинник, стоявший обочь Ивана, натянул лук. Князь предостерегающе поднял руку. Дружинник ослабил тетиву. Лях тем временем приблизился. Богатая броня с полированными зерцалами, отделанный серебром шлем и красные сапоги на крепких ногах говорили, что это не простой воин.

Вороной жеребец, подскакав к змеям, захрапел и стал пятиться. Всадник, поколебавшись, соскочил и пошел к князю. Обрадованный конь отбежал и замер, косясь в сторону змеев.

Иван молча разглядывал незваного гостя. Тот был немолод, но крепок. Невысокий, но кряжистый, с длинными и сильными руками лях выглядел внушительно. Давний шрам, пересекая щеку, придавал его лицу свирепый вид. Покосившись на змеев, лях остановился и склонил голову – чуть-чуть.

– Коронный воевода Мацей из Застенок, герб Мзура, –

важно представился он.

«Проще говоря, Мацько!» – подумал Иван.

– Ты – князь Галицкий?

Иван кивнул.

– Пошто забрел в мои земли?

– Заберу свое и уйду, – Иван кивнул на притихший с появлением всадников табор.

– То наши хлопы! – нахмурился Мацько. – Летось ушли. Весь бросили – орать некому.

– В Галиче нет холопов! – возразил Иван. – Любой, кто приходит, становится вольным.

Мацько насупился.

– Ты не вправе имать их здесь!

– Отчего же? – хмыкнул Иван. – По ряду, заключенному с твоим королем, могу преследовать татей, схитивших мое добро, на день пути от межи. Ваши земли начинаются от реки. Я далеко забрел? Или, может, разорил твою весь?

Мацько не ответил.

– А вот они, – указал князь на связанных пленников, – мою землю зорили. Сожгли избы, угнали люд, потравили посевы. Я вправе наказать.

– Как? – спросил Мацько.

– Повешу.

– Дам выкуп за этого! – Мацько указал на Збышко. – Остальных вешай! Дрянь, а не люди, раз господина не защитили… Згода?

Князь покачал головой.

– Не нужно золото? – удивился Мацько.

– Он знал, куда шел. Летось объявил: повешу любого. Если отпущу, придет снова. Мне опять ловить? Не проси!

Мацько засопел.

– Буду биться с тобой, князь!

Иван усмехнулся и выразительно посмотрел на смоков.

– С нами Езус и Матка Боская!

– Это вряд ли! – ответил князь.

Воевода повернулся и пошел к жеребцу. Тот принял хозяина на спину и поскакал прочь.

– Олята, Зых! – Князь обернулся к воинам, сидевшим на смоках. – Воеводу не калечить! Доставить целым.

Дружинники кивнули и подобрали поводья. Змеи встали на толстые лапы и разбежались. Расправив крылья, они взмыли над склоном. За рекой развернулись и встали крылом к крылу. После чего вытянули шеи и оскалили пасти. Усеянные рядами острых зубов, те были страшны. Смерды на берегу закрестились. Змеи, проплыв над ними, устремились на ляхов, уже скакавших к дубу с копьями наперевес. Приблизившись, смоки заревели – еще сильнее и ужаснее, чем недавно. Непереносимый рык сломал строй атакующих. Кони ляхов брызнули в стороны, некоторые встали на дыбы или принялись подавать задними ногами, сбрасывая всадников. Ляхи валились на траву, как снопы. Гнедой воеводы, прыгая, как козел, нес его к дубу. Мацько, бросив копье, пы-

тался усмирить коня, но тот не подчинялся. Храпя и фыркая, вороной мчал к дереву, грозя разбить об него себя и всадника. Пленники, увидев это, поползли в стороны – помирать под копытами никому не хотелось. Мацько отделяло от дуба всего ничего, когда его догнал смок. Выпустив когти, змей схватил ляха и приподнял вместе с жеребцом. Ноги Мацько выскользнули из стремян. Освобожденный конь приземлился и порскнул в сторону. Помчался к реке, где его переняли наблюдавшие за схваткой смерды.

Змей же, увернувшись от столкновения дубом, повернул и снизился. Бросив ляха, он сел. Весело глянул на дружинников, будто спрашивая: «Ну как я? Ловко?» А те, вздернув воеводу на ноги, обезоружили и подвели к князю.

– Ну? – сказал Иван. – Минздрав предупреждал.

Дружинники, не знавшие, что означает «минздрав», догадались о смысле сказанного и осклабились. Ошеломленный Мацько молчал.

– Ранен? – спросил князь.

– Не! – ответил один из дружинников. – Броня добрая, коготь не проткнул. Помяло трохи. Очуняет.

– Поговорим о выкупе? – предложил Иван.

– Лучше повесь! – прохрипел Мацько. – Вместо него! – Он кивнул на Збышко.

– Цо мувишь, батько?! – взвился тот.

– Молчи! – вызверился воевода. – Говорил же: не ходить в Галич, а ты послухал? Вот и живи, зная, что погубил стрыя!

Збышко набычился, нижняя губа его оттопырилась, подбородок задрожал. Гордость, позволявшая юному ляху казаться невозмутимым все это время, лопнула, когда он осознал, что вовлек в беду родного человека. Уронив голову, Збышко заплакал, роняя крупные слезы. По знаку Ивана дружинники подвели к нему Мацько. Воевода сел рядом с племянником. Збышко спрятал лицо у него на груди и застыл – только плечи вздрагивали. Мацько, обняв сыновца, глядел в сторону. Иван отвернулся. Вешать ляха ему расхотелось. «Не поможет! – подумал сердито. – Они гордые. Назло придут! Не жупаны…»

Шайку под предводительством угрского жупана они переняли год тому. Угры пытались отбиться, даже стреляли в смоков, но после того, как сверху пролился каменный дождь, оружие бросили. Всех пленных, а их набралось с полсотни, дружинники развесили на деревьях вдоль межи с венгерским королевством. Жупан не только палил веси. Захватив богатый полон, угры резали стариков и больных – мешали быстро уходить, а дорогой прикалывали отставших. Дружина, двигаясь по следам шайки, натыкалась на пепелища и распухшие трупы. Воины озверели; попытайся Иван сохранить пленникам жизни, его бы не послушали. Он, впрочем, и не пытался…

Урок жупаны усвоили. После показательной казни их набеги сошли на нет. С ляхами не получалось. То тут, то там легкие отряды пересекали границы княжества и угоня-

ли смердов с семьями. Перехватить налетчиков удавалось не всегда. К чести ляхов следовало признать: людей они не резали. Наверное, потому, что угоняли исключительно своих – тех, кто тянулся за вольной жизнью в Галич. Узнав, что тамошний князь не обижает смердов, дает землю и житло, а дань требует божескую, хлопы снимались и уходили. Ляшским боярам такое не нравилось. Они считали, что вправе вернуть своих, и не на шутку обижались, когда им говорили, что это не так. Договор позволял Ивану преследовать налетчиков, но князь знал: король и воеводы рейдам потворствуют. Кому хочется, чтоб смерды оставили земли? Облегчить же участь хлопов, не драть с них три шкуры ляхи не желали. Вот и гоняйся за ними! Граница длинная, у каждого брода заслон не выставишь…

Было еще обстоятельство, мешавшее Ивану решиться на казнь. Мацько ему нравился. Спасая племянника, лях решился на безнадежную атаку, а после предложил свою жизнь взамен. Только принять его жертву нельзя. Королю не понравится казнь воеводы.

Иван подошел к дубу и опустился на корточки. Мацко встретил его хмурым взглядом.

– Хочешь, отпущу вас – и без выкупа?

– Что потребуешь? – насторожился лях.

– Вот он, – Иван указал на Збышко, – поклянется паном Езусом и Маткой Боской не ходить более в мои земли.

– Чтоб я! Схизматику!..

Збышко не договорил: Мацько с размаху саданул его локтем в бок. Юноша охнул и замолк.

– Крепко любишь! – усмехнулся Иван.

– У меня более никого, – вздохнул лях. – У самого женки не было, а его родители померли. Один наследник, да и тот дурнем вырос. Згода, князь! Что еще?

– Дашь клятву служить мне.

Лях набычился.

– Я присягал королю!

– Так я не прошу, чтоб изменял. Король поставил тебя в порубежье, чтоб ты его защищал. Так?

Мацько кивнул.

– Вот и защищай! Пусть никто без дозвола не ходит – как к вам, так и ко мне.

Воевода задумался.

– Буду платить! – добавил Иван. – Десять гривен. В год.

– Сто! – возразил Мацько.

Иван усмехнулся.

– За сто я половцев найму – целую орду. Они с такими, – Иван кивнул на Збышко, – и без смоков справятся. Возьмут луки и превратят в ежиков.

– Призовешь поганых? – удивился Мацько.

– Почему нет? – пожал плечами Иван. – Они, по крайней мере, земли мои не зорят.

– Пятьдесят! – сказал Мацько. – И плата – вперед!

– Двадцать – и не гривной больше.

– И корм моим воям!

– Ладно! – согласился Иван, подумав. – Но вперед не дам. Весь нашу сыновец твой спалил – считай это за виру. А к Рождеству приезжай: будет плата.

Мацько, поколебавшись, кивнул. Иван протянул ему руку, помогая подняться, но Мацько вскочил сам – легко, как юноша. Иван сделал знак. Подбежавший Жбан снял путы с рук Збышко. Дядя и племянник прошли к кресту, где, встав на колени, произнесли обещанную клятву. Мацько подвели его вороного жеребца, вернули меч и шлем. Затем подогнали освобожденных слуг. Об оружии и коне Збышко не заикнулся – все еще не мог поверить, что избежал смерти. Кивнув князю на прощание, Мацько запрыгнул в седло и тронул каблуками бока вороного. Обезоруженный отряд поспешил следом.

– Пропали сапоги! – вздохнул Жбан, провожая ляхов сожалеющим взглядом. – Надо было сразу содрать!

Горевал он, впрочем, не долго. Спустя короткое время во главе небольшого отряда Жбан скакал вдоль повозок, пересекавших реку. Сверху кружил смок. Иван, оставшись с Олятой, забрался на спину второго змея и собрался привязаться ремнями, как вдруг кто-то тронул его сапог. Иван глянул вниз. Там стояла Млава.

– Ты чего? – удивился князь. – Догоняй своих!

– Ну их! – насупилась ведьмарка. – Возьми к себе! Пригожусь!

Иван подумал и кивнул. Ведьмарка бросила в корзину узелок с пожитками и, задрав подол, влезла сама, сверкнув при этом белыми ногами. Ноги у нее оказались стройными и красивыми.

– Привяжись! – сказал князь. – Вывалишься!

– Сама б не догадалась! – фыркнула Млава, но к совету прислушалась. Олята подобрал поводья, змей разбежался и взмыл над склоном. Ведьмарка, торчавшая в плетенке, ойкнула, но не отвернулась. Вцепившись в край корзины, она во все глаза смотрела, как уходит вниз река, пойменный луг за нею, как постепенно растет и приближается гребенка дальнего леса.

«Гляди-ка ты! – удивился князь. – Не боится. Дружинники – и те, бывает, блюют. Может, посадить на змея? Девки их добре чуют, да и смоки к ним тянутся. Родственные души…»

Эта мысль развеселила князя. Припомнив, как Млава плевала в старосту, он понял, почему язычница попросилась к нему.

«Змея! – подумал Иван. – Но за себя стоит!»

Поразмыслив, он отказался от идеи посадить ведьмарку на смока. «Баба молодая – найдет мужика, забеременеет, – решил он. – Ищи потом замену!»

Для того, чтоб думать так, у князя были основания. Прецедент имелся…

2

Смок набрал высоту и заскользил вниз, широко раскинув крылья. Встречный ветер щекотал ему ноздри, тоненько свистел в ушах, змею было легко и приятно. Он любил, когда крылья ощущали упругую силу воздуха, и легкого движения их было достаточно, чтобы ускорить или замедлить скольжение, повернуть вправо или влево. В такие минуты смок чувствовал себя повелителем неба, где никто не мог ему противостоять.

Груз, который нес смок, не отягощал его: он легко мог поднять и гораздо больший. К тому же на спине сидел Главный Хозяин, а его смок обожал, как может обожать только йорх. Смока звали именно так – как и всех представителей крылатого племени. Люди, сидевшие на спине змея, об этом не знали, а йорх не мог им объяснить – они не слышали. Это было единственным, что огорчало змея, однако с этим можно было мириться.

Давным-давно, тысячи оборотов желтой звезды назад, у йорхов были другие хозяева. Змеев привезли в яйцах. Взрослые йорхи были велики и не могли поместиться в тесном корабле. Свет змеи увидели на Земле. Каждый из них помнил этот прекрасный момент. Те хозяева были другими: йорхи слышали их мысли, равно как хозяева слышали своих любимцев. Они знали, когда змеев следует кормить, а когда –

дать им отдохнуть. Строение глотки йорхов не позволяло им говорить, поэтому хозяева научились слушать их мысли.

Хозяева и создали йорхов. Они позаботились, чтоб память йорхов не исчезала, переходя к их потомкам. Это избавляло от необходимости учить змеев заново. Хозяева избавили йорхов от желания тратить время на брачные игры и драки за обладание самкой – у змеев не было разделения по полу. Каждый йорх носил в себе зародыш яйца, к годовалому возрасту оно созревало, а вот откладывать его или нет, решали хозяева. Если требовался молодой йорх, они давали родителю лекарство – и яйцо выходило наружу. Если в пополнении не было нужды, лекарства не давали. Только со смертью йорха – естественной или насильственной – яйцо выпадало, а появившийся на свет молодой змей получал на пропитание тушу родителя. Такой порядок был мудрым.

Не имея стремления любить себе подобных, йорхи обожали хозяев. Те не только дарили им жизнь, они заботились о своих любимцах: кормили и лечили их, ласкали и хвалили. Взамен требовали немного: возить их на спинах (йорхи и без того любили летать) и отпугивать врагов. Такое случалось редко. Врагов у хозяев было немного. Дикие звери выдавали себя желанием крови; йорхи слышали их и отгоняли рыком. Тех, кто не пугался, убивали хозяева. Кроме зверей, на Земле жили люди – они боялись йорхов и почитали хозяев. Люди падали ниц и подносили дары. Хозяева брали в селениях молодых женщин и занимались с ними тем, чего

лишили йорхов. Женщины беременели, их возвращали обратно и брали новых. Йорхи не понимали, зачем? Ведь можно научить людей откладывать яйца! Хозяева, однако, так не считали, а йорхи были не вправе давать советы.

Так продолжалось долго. Йорхи жили счастливо, пока не случилась беда. В один из дней змеи отвезли хозяев к кораблям. Слетелись все. Могучие тела йорхов покрыли реку живым ковром, в мыслях хозяев сквозила тревога, змеи волновались и кричали. Они хотели, чтоб хозяева взяли их с собой, но те будто не слышали. Соскочив на землю, бежали к кораблям, забыв потрепать любимцев по шее. Раздался гром, корабли, один за другим, взмыли в небо, унося в чревах тех, кого йорхи любили.

На другой день потемнело небо, и хлынул ливень. Йорхи не обратили на это внимания, но дождь лил и лил. В тот день, второй и все последующие, не утихая ни при свете, ни во тьме. Река, на которой йорхи ждали хозяев, вздулась и разлилась. Течением йорхов снесло в море. Змеи не боялись воды, она была их стихией, но в этот раз воды было слишком много. Ветер носил йорхов по волнам, вокруг гремело, и вспышки молний освещали безбрежную водную гладь. Йорхи пугались и звали на помощь, только никто их не слышал. Кормить их стало некому, змеи слабели. Они умели ловить рыбу, но в море, окружавшем йорхов, отыскать ее не получалось. Йорхи начали умирать. Их яйца выпадали и тонули, а мертвые туши терзали соплеменники. Они набрасывались на еще

теплое тело и рвали его, стремясь отхватить кусок побольше. Павших для корма не хватало, сильные змеи стали убивать слабых. В бескрайних волнах разыгрывались трагедии, о которых йорхи не любили вспоминать. В конечном итоге, змеев осталась горстка. К этому времени ливень стих, выглянуло солнце, море успокоилось. В притихших водах появилась рыба, йорхи занялись охотой. Рыбы оказало много, убийства прекратились.

Стихия разбросала змеев. Некоторые, боясь быть съеденными, отбились специально, другие просто потерялись; ко времени, когда вода спала, йорхи расселились по планете. Оседали обычно в устьях рек – там рыбы водилось больше, находили пещеры, удобные для спячки. До потопа зимы на планете были теплыми, но погода изменилась. Реки стали замерзать, а достать рыбу из-подо льда не получалось. Йорхи приноровились зимой спать. Со временем отыскалась трава, поев которую, йорхи откладывали яйца, и число змеев стало расти. Жизнь наладилась, но йорхи по-прежнему ждали хозяев. Они тосковали… Оборот звезды вокруг планеты следовал за оборотом, а хозяева не возвращались. Со временем берега рек, где обитали змеи, заселили люди, и йорхи попытались с ними сдружиться. Они помнили, что это потомки хозяев, и хотели служить им, однако люди пугались и убегали. Вместо змеев они любили мохнатых существ, которые ходили стадами и ели траву. Люди стригли с них шерсть и употребляли их в пищу. Ревнуя, йорхи нападали на стада, рвали

мохнатых на части, после чего, опьянев от крови, выпускали огневые железы. Горючая слизь, ярко вспыхивая, летела в людей. Становлению дружбы это не способствовало.

Только однажды змеями заинтересовались. Это были воины. Они носили шлемы с гребнями из крашенных конских волос, красные туники и тяжелые сандалии, подкованные гвоздями. Римляне, как звали воинов, были решительны и отважны. Они научили змеев сражаться с конницей, поджигать города и топить корабли. Длилось это не долго. У новых хозяев что-то произошло, и они отплыли на кораблях, бросив любимцев. Уезжая, обещали вернуться, но не сдержали слова. Возможно, из-за бури, разметавшей корабли римлян. А йорхи ждали и тосковали.

Мохнатые существа со временем съели траву, помогавшую йорхам откладывать яйца, и змеи стали вымирать. Если откладывать одно яйцо, да и то, умирая, трудно ждать лучшего. Детеныш, появившийся на свет, беззащитен: его может съесть даже рыба, что говорить о диких зверях? Йорхи, как могли, оберегали детей, но годовалого возраста достигали немногие. Тогда появился Главный Хозяин. Он нашел и сберег яйцо йорха, после чего растил и оберегал змея. Он кормил его и защищал от врагов, учил и заботился. Счастливчик, обретший хозяина, был родителем йорха, летевшего сейчас в небе, и сын помнил, что случилось с отцом. Родителя сразили стрелой, и это была достойная смерть. Хозяин горевал о погибшем, из глаз его текла вода, что служило

признаком скорби. За это йорх и любил хозяина. Ради него он, не задумываясь, повторил бы судьбу родителя.

Йорха растил не Хозяин. Его заменила женщина, добрая и ласковая. Хозяин любил ее. Став женой Хозяина, женщина перестала летать, и йорх горевал. Главный нашел ему другого Хозяина – тот был другом Главного, и змей принял его.

Йорх вспомнил прошедшую ночь. Они заночевали на берегу озера. Пока летевшая с ними женщина варила пищу, хозяева сбросили одежду и зашли в воду. В их руках была сеть. Йорх ждал на берегу, нетерпеливо переминаясь на лапах. Люди вытащили ворох рыбы, змей набросился на еду. Он здорово проголодался, поэтому проглотил пищу быстро. Людям пришлось идти в воду снова.

– Ишь, как жрет! – заметила женщина, варившая еду. – Сколько ж ему нужно?

Йорх понял ее, поскольку знал язык людей. Когда те говорили, что думали, понять не составляло труда.

– Потаскай на спине дружинников, узнаешь! – ответил женщине Главный Хозяин, и йорх одобрил его слова. Женщина, обидевшись, умолкла.

Насытившись, змей лег у костра. Он не боялся огня – он сам мог исторгать пламя. Йорху хотелось ласки. Однако Главный Хозяин был занят: ел, зачерпывая ложкой из котла. Женщина тоже ела, украдкой поглядывая на Главного. Она занималась этим давно – еще когда люди ловили рыбу, и йорх понимал, чего ей хочется. Только Хозяин этого не же-

лал, он думал о другой женщине – той самой, которая вырастила йорха. Хозяин тосковал по ней, и йорх разделял его чувство: прежняя хозяйка того стоила. Покончив с едой, хозяин спрятал ложку в сапог, и йорх немедленно придвинулся ближе. Хозяин погладил друга по голове.

– Молодец! Умница! Хороший!

Йорх прикрыл глаза. Внутри звучала мелодия, в такт ей змей стал посапывать.

– Чтой-то он? – удивилась женщина.

– Мурлычет, – ответил Хозяин. – Любит ласку.

– Прямо как кот! – удивилась женщина.

– Коты не летают! – возразил Хозяин.

Женщина, поколебавшись, подошла. Йорх не хотел, чтоб она касалась его тела – это означало разделить ласку Хозяина, но отгонять не стал: Хозяин не одобрил бы. Женщина, присев, коснулась шеи йорха, затем погладила ее. Рука у нее была сильной, но ласковой. Змей вздохнул.

– Храбрая ты! – сказал Хозяин. – Змеев боятся.

– Так он же, как кот, – ответила женщина, а сама подумала: «Лучше б ты гладил меня!» Йорх услышал и развеселился. Он умел смеяться и даже шутить. «Размечталась!» – подумал йорх. Это слово часто произносил Хозяин; он вообще думал и говорил не так, как другие люди, и слова его нравились йорху: они были сочными и неожиданными. Улыбнувшись, змей поднял губу, обнажив острые зубы.

– Ишь, какие! – сказала женщина, потянувшись.

– Не надо! – упредил Хозяин. – Не любит!

Женщина отдернула руку.

– Иди спать! – предложил Хозяин. – Мы следом. Встаем с рассветом.

– Я покараулю! – предложила женщина.

– Он посторожит! – Хозяин кивнул на змея. – Лучше пса. Чужих издалека чует.

Йорх знал, почему женщина вызвалась сторожить. Она хотела смотреть на хозяина, пока тот спит. Тем не менее, она подчинилась. Спустя короткое время люди лежали на разостланных войлоках. Мужчины спали, а женщина ворочалась, думая о своем. Йорх слышал ее мысли и смеялся…

Вспомнив об этом сейчас, йорх развеселился и коротко рыкнул, раздув бока.

– Чтой-то он? – спросила сидевшая в корзине женщина.

– Жизни радуется! – ответил Хозяин. – Молодой еще.

«А чего ему? – подумала женщина. – Нажрался – и счастлив! Не то, что люди…»

Под «людьми» женщина понимала себя. Йорх прочел ее мысли и снова развеселился. Однако трубить не стал. Спуск завершался, наступало время махать крыльями.

⁂

Получив ответ на вопрос, Млава угомонилась и вернулась к прежнему занятию: смотреть на проплывавшую под кры-

льями змея землю. Та была чудо, как хороша. Леса сменяли луга, те пересекали реки. Небо, отражаясь в водах, превращало реки в голубые ленты, прихотливо вплетенные в зеленые косы лесов. Они летели второй день, а Млава все не могла налюбоваться. Олята, управлявший змеем, тоже смотрел вниз – только с другой целью. Ему предстояло привести смока к стоянке – укромному месту неподалеку от Звенигорода, где на озере, затерявшемся в лесах, жили змеи. Князь, сидевший за спиной Оляты, никуда не смотрел. Прикрыв глаза, он размышлял. В беспокойной жизни, которую вел Иван, моменты, когда можно отрешиться и подумать о прошлом и настоящем, случались не часто.

Мысли князя были грустными. Три года тому, скитаясь с ватагой, он думал, что самое тяжкое – вернуть княжество. Дальнейшее представлялось простым и ясным. Вышло ровно наоборот. Звенигород сам открыл ему ворота. Дурной нрав Володько, завладевшего княжеством, настроил против него людей. Бояре, ремесленники, смерды – все страстно желали прогнать чужака, поэтому, подняв восстание, позвали Ивана. Примеру Звенигорода последовали другие земли. После того, как Володько сбежал, сам Галич поклонился Ивану.

Удержать власть не составило труда. Святослав Киевский, решивший подсобить изгнанному зятю, послал на Звенигород Ростислава Белгородского. Худшего выбора он сделать не мог. За год до того дружина Ростислава разгромила ки-

евлян благодаря Ивану со смоком. Белгородцы знали, чего стоит змей, поэтому, увидав в небе смоков, сложили зброю.

Весть эта ошеломила Русь. Полку желавших сразиться с изгоем резко убыло. Западные соседи почесали в затылках и прислали посольства. Формально: подтвердить договоры, заключенные с Володько, а на самом деле – глянуть на князя и определиться: крепок ли? Получится отгрызть кусок от богатой Галицкой земли или лучше не пытаться? Посольство угров возглавил первый жупан, ляшское – сам король.

В Галиче их приняли с почетом, а после пира пригласили в поле. Два смока продемонстрировали гостям бомбардировку камнями соломенных чучел (от тех только пыль полетела!), сожгли специально выстроенную для того крепостную стену из бревен, а на десерт разогнали конную дружину гостей, решившую померяться со змеями силушкой молодецкой. Солировали лучшие витязи гостей: им предложили испытать непередаваемые ощущения, витязи согласились. Впечатления и вправду вышли незабываемые: с десяток гостей сломали себе руки и ноги, одного и вовсе пришлось хоронить – неловко упал под копыта. Свои, галичские, в потехе не участвовали: знали, чем кончится. Жупан с королем, не медля, подписали ряд о нерушимости границ, добавив по желанию князя пункт о преследовании разбойников.

Рубежи стояли незыблемо – не ладилось в самом княжестве. На первый взгляд, оно цвело. Галич богател, чему в немалой степени способствовали реформы князя. Иван, пре-

бывая в ромейской плену, научился многому. Например, тому, что основная статья дохода государства – торговля, а не дань с крестьян. Размер таможенной пошлины, оно же мыто, в Галиче снизили вдвое, купеческим караванам обеспечили охрану на пути через княжество. Торговые люди, прикинув барыш, пошли через Галич. Сманили даже караваны из Новгорода, а про ляхов, полочан и берестейцев с волынцами говорить не приходилось. Возросший поток, несмотря на снижение размера мыта, увеличил сборы втрое. Оживилась торговля в самом Галиче. Возвращаясь из Константинополя, купцы, нуждаясь в серебре, оставляли здесь часть груза. Шелка, вина, украшения и прочие заморские товары галичане покупали дешевле, да и сбывали так же. Купцы из соседних земель, проведав о сем, ехали покупать в Галич, оставляя здесь серебро за мыто, ночлег и корм.

Вторым источником дохода была миграция. Князь повелел, а купцы разнесли: любой желающий получит в Галиче столько земли, сколько сумеет обработать. Плюс лес для избы, корову или вола, а также – по серебряной ногате на каждого члена семьи. Кто ты есть: холоп или изгой, спрашивать не станут. Пришел в Галич – стал вольным.

Эти обещания, а также слух, что в Галиче не притесняют, привели в княжество тысячи семей. Нередко смерды снимались и приходили целыми весями. К удивлению Ивана, потянулись и угры с ляхами, привлеченные не столько льготами, сколько заверениями: за веру преследовать не станут. Хо-

чешь – молись Езусу, хочешь – Иисусу, а то и вовсе Перуну с Даждьбогом. Главное: паши да исправно плати дань – кстати, вовсе не обременительную. Процесс пошел так бурно, что тиуны сбились с ног, расселяя новоприбывших. Переселенцы вначале облегчали казну. Дотации на семью выливались в гривну, а то и больше, но расходы окупались. Земля одаряла урожаем, скот на лугах тучнел и множился, в закрома князя текли зерно и мясо, а также, пусть и не очень полноводный, но неиссякаемый ручеек серебра. Правители соседних земель скрежетали зубами, но возразить не могли: сами сманивали смердов. Только получалось у них плохо – жадничали. Не только с подъемными, но и с данью: стремились слупить побольше. В Галиче поступали иначе.

Хозяйственные реформы шли успешно, социальные буксовали. Сломать установившийся в Руси уклад оказалось труднее, чем думалось ранее. Доходило до смешного. Князь повелел звать его «господином» – и только. Тем самым Иван желал приучить людей к мысли: правит не только князь. Приучил… Люди путались, перескакивая с «господина» на «княже», осуждающе смотрели на автора этой дурости; кончилось тем, что Иван махнул рукой и повелел обращаться, как удобнее. Челядь возликовала.

Провалилась попытка ликвидировать рабство. Запрет на продажу холопов в княжестве одобрили: чай, люди, а не скоты! Иван предполагал, что следствием станет отмирание рабства. Ведь если холопа нельзя продать, то зачем он? Ага!

А кто станет работать на боярина или купца, даже смерда – богатейшие из них тоже имели рабов? Частенько и холопы не горели желанием стать вольными. В этом мире в рабство шли сами. Взял купу, то бишь в долг, вовремя не отдал – холоп. И ведь не возразишь: сам подписался. Случился неурожайный год, не захотел с голоду помирать, попросился в рабы к боярину – будешь сыт и одет. Все по Русской Правде. А, скажем, ключником при боярине или князе может быть только холоп. Вольному не доверят: нет у того резона служить верно. Ключник ведь только формально раб; сам одет боярином, семья как сыр в масле катается. Из желающих в такое рабство – очередь. Тут, главное, не воруй да старайся – и будет тебе счастье. Добрый ключник у хозяина – на вес золота, его по наследству передают, да и сама должность наследуемая. Не всегда сыном – случается, и дочерью, если разумная вырастет. Мать Владимира-крестителя тоже была ключницей. Смеялись над Владимиром сводные братья – дескать, робичич[6], да быстро умолкли, как им зубы выбили. Робичичи, знаете, на обиду памятливые…

Худо вышло и со школой сирот. Ладно, собрал князь обездоленных уму-разуму учить – кто против слово скажет? Так нет же, объявил, что из тех сирот, как выучатся да мужами добрыми станут, нового князя выберут. Тут даже побратимы взвились. Почему из сирот? А они что – не люди? Не ватага ли Ивана из ромейского полона вытащила, а после княже-

[6] Сын рабыни.

ство ему добыла? Чем отроки лучше? Объясни им, что так в свитке ромейском писано, ибо государству на благо, когда правителя заранее готовят. Угу… У ромеев, может, и благо, только на Руси испокон веков кто сильнее, тот и князь.

«Прожил ты здесь двенадцать лет, – терзал себя князь, – а ничему не научился. Вздумал строй поменять, людей осчастливить. А оно им нужно? Их нынешняя жизнь вполне устраивает. Был бы князь добрым, да тиун не вороватым – вот и вся радость. Да и кто ты есть, чтоб что-то менять? Бывший беспризорник, не получивший даже среднего образования? Ах, ты читал «Государство» Платона? Что с того? Платон рассуждал умозрительно. Учиться следует у тех, кто правил. Возможность была – почему ленился? У опекуна имелась отменная библиотека – дядя Саша любил читать, а ты в эти книги заглядывал? И ведь опекун заставлял, даже пальцем тыкал; нет, тебя несло на конях скакать да рукопашный бой осваивать. Сюда бы хоть часть той библиотеки! Хорошо, что дядя Саша рассказывал о прочитанном: говорливым был. В памяти отложилось, но как в сундуке со старой одеждой. Пока найдешь нужное, запаришься…

Если ты и добился чего, то благодаря везению – продолжал мучить себя князь. В первый раз повезло, когда перенесся в этот мир. Попалась добрая душа, подобрала тебя, раненого, и выходила. Не сдох на берегу на поживу зверям. Свезло, когда дружинники Володько захватили языческую весь, а тебя там не случилось. Сумел приплыть в Звенигород, где

тебя не только приютили, но со временем усыновили. Повезло, что не убили в Поле Половецком. Хан Бельдюзь, к которому угодил ты в полон, вместо того, чтоб зарезать тебя по наущению Святослава Киевского, продал ромеям. У них ты сошелся с Георгием. Старый спафарий полюбил тебя, как сына, – еще одно везение. А взять смока! Георгий думал использовать его для бегства, но ты вспомнил рассказ опекуна. Дядя Саша любил историю. Как-то поведал: в Первую Мировую солдаты панически боялись аэропланов. Стоило тому сбросить бомбу (слабенькую и не причинявшую вреда), как целые полки бежали, куда глаза глядят. С кавалерией было и того хуже. Десять аэропланов белых разогнали в 1919-м конную дивизию красных – конники бежали, не помня себя.

«Жену – и ту выбрал не сам, – ел себя Иван. – Это она – тебя! А ведь не хотел жениться, думал: зачем мне дите?! Какая из соплюшки княгиня? Ей бы порты стирать да кашу варить! «Знаток»… Из «соплюшки» вышла отменная хозяюшка. День-деньской носится по службам, везде сует свой маленький нос, и ничто не укроется от ее цепкого глаза. Челядь трепещет, но любит «княгинюшку». Потому что хоть и строга, но справедлива. Никого из прихоти не шпыняет, со всеми ровна. И мужа-дурака почему-то любит…»

Вспомнив жену, Иван заулыбался. Даже в третий год их супружества Оляна признавала только один способ уснуть – на плече у мужа. После того, как жена начинала ровно дышать, Иван осторожно высвобождал затекшую руку и отво-

рачивался. Утром, однако, неизменно обнаруживал Оляну в своих объятиях. Как она забиралась туда, не потревожив сна мужа, понять было невозможно. Даже сейчас, когда живот стал мешать, Оляна не изменяла привычке – разве что вместо того, чтоб обниматься лицом к лицу, прижималась к мужу спиной.

«Скоро уже!» – подумал Иван. На последнем сроке беременности Оляна напоминала медвежонка: ходила, переваливаясь, осторожно неся перед собой большой живот. Лицо ее осталось прежним – чистым и гладким, жена даже похорошела. Теремные тетки в голос пели, что «княгинюшка» носит сына, а Ивану было все равно. Лишь бы роды прошли нормально. Оляне-то всего семнадцать. Не следовало спешить, да Оляна сама захотела. Не сразу, не через месяц и не через два, но спросила мужа: чтой-то он так странно любится? Вместо того, чтоб с последним криком страсти замереть, слившись с любимой, соскакивает с нее, как ошпаренный. (Кто из теремных теток ее «просветил», Иван так и не дознался). Пришлось объяснить. Дескать, если по-другому, то случатся дети. А ей рожать рано – шестнадцать всего. Организм не окреп.

Ух, что он услышал в ответ! Что жена у него не блядь подзаборная и не вдова блудливая, чтоб от беременности храниться. Для того и шла под венец, чтоб детей рожать. А то бабки шипят: взял князь женку бесплодную, больше года замужем, а спереди хоть бы ветром надуло! В ее годах уже по

двое деток имеют. И не Ивану, который женился в четырнадцать и, не овдовей, стал бы отцом в пятнадцать, летами ее попрекать.

От кого Оляна услышала об убитой жене, Иван так и не дознался. Наверняка расспросила кого-то из ватаги. Понял только, что крепко ошибся, считая жену «соплюшкой». Годами-то малая, а вот разумом… Оляну он успокоил. Сказал, что любит больше жизни и очень боится потерять. Посему берегся. В ответ получил жаркий поцелуй и категорический приказ: опасения оставить. Результат не замедлил сказаться…

«Даст Бог, обойдется!» – подумал Иван, нетерпеливо вглядываясь вперед. Они подлетали. Купола главного собора Звенигорода остались по правую руку, среди острых макушек елей сверкнула гладь озера. Она была пустынной: смоки барражируют над рубежами княжества. Пусть видят лихие люди: Галич бдит. Змеям это на пользу. Не то обленятся, зарастут жиром.

Из-за частой гребенки леса показалась пристань, к ней примыкала просторная изба с конюшней для стражи. Из дыры в крыше избы валил дым – готовили обед. Вот и славно: они проголодались. За избой возвышался поросший травой берег. Постройки специально ставили ниже – чтобы видно не было. Место-то секретное.

Иван разглядел на высоком берегу маленькую фигурку. Присмотревшись, узнал. Оляна стояла, приложив ладонь к

глазам и вглядываясь в подлетавшего змея. «Вот неугомонная! – рассердился Иван. – Зачем приехала? В ее-то положении? Вдруг роды? Да еще и на берег взобралась!..» Сердясь, Иван не мог унять затоплявшую его радость: он обнимет Оляну прямо сейчас. Поцелует, прижмет к груди…

Змей снизился и шлепнулся в озеро, подняв вихрь брызг. Вода хлынула в подвешенные корзины. Млава взвизгнула, Иван, склонившись, ухватил ее за ворот и бросил себе за спину. Смок, выгребая лапами, подплыл к причалу. Князь скинул ремни, встал на змея и прыгнул на настил. Глянув на стоявшую над обрывом Оляну, помахал ей рукой.

Та немедленно замахала в ответ и двинулась вниз. «Господи!» – сжался Иван. Оляна ступала, упираясь каблуками в склон, и махала руками, стараясь сохранить равновесие.

«Убьется, сумасшедшая!»

Иван рванулся навстречу. В один миг он миновал избу и понесся вверх, стремясь перехватить супругу на середине пути. Не успел. Оляна запнулась о невовремя попавший под ногу корень, быстро-быстро замахала руками, пытаясь сохранить равновесие, но не устояла. Шлепнись она навзничь, ничего не произошло бы. Съехала бы на спине – как раз в руки мужа. Однако Оляна упала лицом вперед. Выброшенные вперед руки не помогли: живот помешал им достать землю. Оляна охнула, свалилась на бок и покатилась по нему, кувыркаясь.

Взревев, Иван наддал и подхватил ее, мятую, в сплошь вы-

зелененном травой летнике. Лицо жены, покрасневшее, испуганное, было измазано соком травы.

– Некрас! Любый… – прошептала Оляна.

Во всем княжестве только она звала мужа языческим именем. Это будило воспоминания о прошлом, когда Иван был сотником белгородского князя, а Оляна – задорной девочкой-подростком, стиравшей порты и варившей ему кашу. Теперь было не до воспоминаний.

– Молчи! – приказал Иван, со страхом чувствуя, как на руку его течет нечто теплое. Осторожно, стараясь не выронить драгоценную ношу, он спустился к избе. Оляна постанывала, прильнув к его плечу. Этот стон обжигал князя. Подлетевшие стражники распахнули дверь. Иван внес жену внутрь и, недолго думая, уложил на стол. Тот был чисто выскобленным. Оляна, оказавшись на спине, вскрикнула и закрыла глаза. Мокрый подол летника облепил ее ноги. Иван оглянулся. У дверей сгрудились испуганные стражи, среди них виднелось лицо Оляты. Все вопрошающе глядели на князя.

«Скачите за лекарем!» – хотел приказать Иван, но спохватился. До Звенигорода не близко. Пока найдут лекаря, пока привезут… Можно слетать на смоке, но и это долго. Помощь Оляне требовалась немедленно.

«Млава! – вспомнилось вдруг Иван. – Кубта говорил, что она лекарка». Не успел он подумать, как ведьмарка, растолкав стражей, появилась внутри. В руке она сжимала узел. Бросив тот на лавку, Млава подбежала к столу и одним дви-

жением задрала Оляне подол. У двери ахнули. Иван, страшась, скосил взгляд и оттаял: на блестевших от влаги ногах Оляны крови не было.

– Вода вышла! – подтвердила Млава. – Рожать будет.

Она обернулась к сторожам, все еще маячившим у двери.

– Горячая вода есть?

– В котле, – поспешил один. – Вскипятили, но крупу не бросили – не успели.

– Здесь что? – Млава указала на ведра.

– Вода, – пожал плечами сторож.

– Опростать, вымыть и набрать свежей. До половины. Только берите из ручья, там чище.

«Когда успела разглядеть?» – удивился Иван.

Стражи, толкаясь, схватили ведра и убежали.

– Дай нож! – попросила Млава.

Иван протянул засапожник. Млава развязала свой узел, извлекла чистую рубаху и полоснула лезвием по шву. После чего разодрала рубаху на части. Пока она занималась, сторожа принесли воду.

– Теперь – вон! – приказала Млава.

Стражи торопливо выскочили в дверь, Олята – следом. Иван остался: за язычницей следовало глядеть.

– Помоги! – попросила Млава. – Надо раздеть.

Она попыталась снять с Оляны летник, но Иван остановил. Взял нож и располосовал летник с рубахой от подола до ворота. Млава только головой качнула. Откинув разрезан-

ные одежды, она стала щупать опавший живот Оляны. Роженица, застонав, очнулась.

– Кто это? – спросила, со страхом глядя на сине-желтое лицо ведьмарки.

– Повитуха, – успокоил Иван.

– А она… – продолжила Оляна, не отводя взгляда от Млавы.

– Ее ляхи били, – пояснил Иван, гладя жену по голове. – Не бойся, ладо, она добрая. И справу ведает.

На самом деле Иван понятия не имел, добрая ли Млава и ведает ли справу, но выбора не оставалось: помочь жене могла только она. Язычница тем временем закончила щупать и посмотрела на князя. В медовых глазах ее читалась тревога.

– Помоги принести котел! – сказала громко.

– Не уходи! – Оляна схватила мужа за руку.

– Я скоро! – успокоил Иван.

Вдвоем они отошли к печке, где исходил паром медный котел.

– Беда, княже! – шепнула Млава, оглянувшись на стол. – Дите в чреве повернулось. Поперек лежит.

– И что? – спросил Иван, ощущая, как похолодела спина.

– Не разродится. Помрет.

– Помочь нельзя?

Иван спросил это, прекрасно зная ответ. В своем времени он привез бы Оляну в роддом, и там обязательно помогли бы. Например, сделали операцию. Только нет здесь ни род-

домов, ни акушеров. Детей принимают бабки-повитухи, понимающие в медицине, как Иван – в космических полетах. Оляна умрет. Любимая, желанная, самая близкая ему женщина. Ему снова напомнили: все, кого он любит, умирают. Список растет. Мать, дядя Саша, названный брат Иван, Георгий, а теперь вот жена. Он расслабился и забыл. Поверил, что эта цепь кончилась…

Иван стоял, опустив голову. На душе у него было пусто и мрачно. Кто-то осторожно тронул его за руку. Он поднял взор: Млава? Чего ей?

– Можно попробовать повернуть, – робко сказала ведьмарка. – Только я этого не делала. Правда, видела…

«Она ж совсем девчонка! – вдруг понял Иван. – Такая же, как Оляна. Привез повитуху! Следовало послать в Звенигород. Теперь поздно…»

– Ворочай! – выдохнул решительно.

– Если не получится, нутро порвется, – продолжила ведьмарка. – Тогда точно умрет.

– Делай! – подтвердил Иван и сжал руку язычницы. – Только я прошу: бережно! Получится – проси, что хочешь! Ничего не пожалею!

Млава кивнула и высвободила руку.

– Помогай!

Они сняли котел с огня и отнесли в угол. Здесь Млава, подцепив котел обернутой подолом рукой, плеснула кипяток в ведра. Попробовав воду пальцем, кивнула, после чего омы-

ла руки. Они вернулись к столу. Млава поочередно согнула ноги Оляны в коленях и развела их в стороны. Требовательно глянула на князя. Он понял.

– Олянушка! – Иван взял руку жены. – Сейчас будет больно. Терпи! Пожалуйста! Так нужно.

Оляна кивнула. Млава, зачерпнув из берестяного туесочка жир, растерла его в ладонях и погрузила руку в лоно жены. Оляна напряглась, заворочалась и застонала.

– Держи ее! – прикрикнула Млава. – Крепко!

Иван прижал плечи жены к столу. Оляна стонала и корчилась. Иван оглядывался на Млаву, желая понять: долго ли это продлится, но видел только склоненное лицо ведьмарки с закушенной губой и ее руку, погруженную в лоно жены.

«Господи! – взмолился он. – Сделай так, чтоб получилось! Пусть ребенок не выживет, пусть родится мертвым, только пусть Оляна уцелеет! Пожалуйста! Я тебя очень прошу! Смилуйся над рабом твоим, скудным и нечистым! Накажи меня за грехи мои, но пожалей ее! Она не виновата. Это я…»

Внезапно Оляна умолкла. Обернувшись, Иван увидел Млаву, уже не склоненную. Она стояла прямо, и рука ее была в крови. «Порвала!» – похолодел Иван. Млава, прочитав вопрос в глазах князя, покачала головой.

– Тужься, княгиня! – приказала весело. – Добре тужься!

Встав рядом с Иваном, Млава уперлась в живот жены предплечьем и стала двигать им по направлению к лону.

– Старайся, княгинюшка! Старайся! Скоро уже! Головка

показалась!

Млава отбежала к лавке и вернулась с куском полотна в руках. Положила его на стол и склонилась над лоном княгини. Мгновение – и в руках ее оказалось нечто сморщенное и красное.

– Нож, княже!

Иван выхватил засапожник.

– Режь!

Князь чиркнул лезвием по синевато-красной веревочке – там, где указала Млава. Брызнула кровь, но сразу утихла. Млава убежала с красным к ведру, заплескала водой, но скоро вернулась.

– Держи, княже! – сказала весело. – Сын!

Иван испуганно принял ребенка. Тот был теплым и мягким. Сморщенное, красное личико, закрытые глаза…

– А он… – начал Иван. Он хотел спросить: «Живой?», но не успел. Ребенок открыл глаза. Те оказались маленькими и мутными. Внезапно князь ощутил на ноге влагу. Скосив взгляд, увидел желтую струйку, изливавшуюся из крючочка младенца ему на порты.

– Ишь, какой! – засмеялась Млава. – Не успел родиться, как батьку обмочил.

Забрав ребенка, она ловко запеленала его в холстину и вернула князю. Тот держал сына, боясь пошевелиться. Чувства, которые обуревали сейчас Ивана, словами передать было невозможно. Внезапно ребенок сморщил личико и закри-

чал.

– Дай! – услышал Иван. – Мне!

Оляна, приподнявшись, жадно смотрела на них. Иван подошел и протянул сына. Оляна схватила ребенка и прижала к груди. После чего заплакала. Младенец тут же поддержал.

– Он… Есть хочет…

Оляна попыталась дать мальчику грудь, но тот выплюнул сосок и продолжил плакать.

– Не спеши, княгиня! – сказала Млава. – Покормишь еще! Он от другого плачет. Чрево покинул, где ему было тепло и добре. Привыкнет и успокоится. А ты тужься! Послед должен выйти.

Млава забрала у Оляны младенца и положила рядом. Тот, к удивлению князя, почти сразу затих. Выдохнув, Иван на плохо гнущихся ногах прошел к двери и вышел на крыльцо. Несколько пар глаз немедля уставились на него.

– Сын! – сказал князь, глупо улыбаясь. – Здоровый!

Стражи заорали, бросая вверх шапки.

– Всем по гривне! – добавил Иван, когда крик умолк. – Сегодня же!

Шапки снова полетели вверх.

– А теперь скачите в Звенигород и пригоните покойный возок! Княгиню повезем, с дитем! И одежу роженице не забудьте!

– Как она? – протолкался ближе Олята.

– Здорова! – ответил Иван и внезапно одернул себя: «Здо-

рова ли? Вдруг нет?»

Он торопливо вернулся в избу. Млава, склонившись над лоном жены, махала иглой.

«Порвала!» – испугался Иван. Млава тем временем, перекусив нитку, посыпала рану желтым порошком из туесочка и выпрямилась.

– Это не то! – пояснила, поймав взгляд князя. – Промежность разлезлась. Такое бывает. Сам гляди: крови мало.

Князь, однако, глядеть не захотел, подошел сбоку. Измученная Оляна спала, прикрытая чьей-то свитой. Завернутый в холстину младенец дремал рядом. Иван полюбовался на сморщенное личико и отошел. Млава возилась у лавки, собирая узелок.

– Держи! – Иван протянул ей отвязанный от пояса кошель. – Здесь ромейские номисмы – в пересчете на серебро гривен пять будет.

Млава покачала головой.

– Ты спас мне жизнь!

– А ты сегодня – две. За одну должен. Возьми! Или чего другого хочешь?

Млава кивнула.

– Чего?

– Остаться в городе.

– Живи! – пожал плечами Иван. – Это денег не стоит. А золото возьми! – Он вложил кошель в ладонь Млавы и завернул ей пальцы. – Купишь дом, заведешь хозяйство… Мужа

себе доброго найдешь – приданое будет. Я тебя не забуду. Не чаял, что Оляна будет жить! – Он улыбнулся.

«Жить-то она будет, – подумала Млава, сжимая толстый кошель. – А вот рожать более – нет!»

Она подумала, сказать ли это князю, и, поколебавшись, решила молчать. Еще обвинит, что она нарочно. Млава сама не верила, что у нее получилось. Даже у покойной матери повороты выходили редко. Мокошь помогла своей жрице. Она отметила этого высокого, красивого мужа с синими глазами. Млава догадалась об этом на берегу, когда князь с кучкой воев разогнал ляхов, не получив при этом даже царапины. Удача князя подтвердилась и в этот раз. Мокошь давала ясно понять: это он! Тот, кого богиня избрала жертвой…

3

На третий день после рождения сына к Ивану приехал Малыга с женой. Женился батько неожиданно для всех, в том числе и для себя. Случилось это, как мне рассказывали, так. Малыга, как положено посаднику, принимал жалобщиков, когда к нему вошла странная девица. О том, что она незамужняя и даже не вдова, говорил венчик в волосах, хотя на вид посетительнице было за двадцать – в Галиче к таким годам успевали овдоветь. Тем не менее, девица не выглядела ни косой, ни рябой, что объясняло бы привередливость женихов; наоборот, смотрелась весьма гожей. Чем, собственно, и привлекла внимание Малыги.

– Сосед межу запахал! – пожалилась Любава, как звали просительницу. – Накажи его!

– Сами разобраться не можете? – заворчал Малыга (он не любил склок). – Посаднику дело до вашей межи?

– Сосед у меня дурной! – возразила девица. – Мало того, что жадный, так и обзывается всяко. А вступиться некому – сирота я.

– Что ж без мужа? – сощурился Малыга.

– Не берут.

– Отчего?

– В то время, как Володько здесь правил, уные его меня снасиловали. Схватили на улице, затащили в хоромы, после

чего выкинули, побитую и в одеже разодранной. Домой шла через весь Галич, люди позор мой видели… – Любава насупилась.

– Где эти уные сейчас? – посуровел лицом Малыга. – В Галиче?

Любава покачала головой:

– Сгинули, – она вздохнула. – Вы их и посекли. Уцелей кто – сама бы зарезала! – добавила мстительно.

Малыга внимательно глянул на просительницу.

– Батюшка объявил в церкви, что я непорочная[7], только женихи все равно носы воротят.

– Дурни! – сказал Малыга. – Девка ты гожая: как мне – так по нраву. Совсем, что ль, не звали?

– Которые и звали, – подтвердила Любава. – Только не пошла.

– Отчего?

– Они не по любви, – фыркнула Любава. – Дом мой хотели, хозяйство. Я хоть и не боярышня, но не бедная! Сама тружусь, холопов имею, приглядываю за ними! – добавила Любава с гордостью.

Малыга задумчиво прошелся по гриднице.

– Сосед только донимает, – продолжила Любава. – Забижает сироту!

Вид девицы резко контрастировал с ее словами. «Эту оби-

[7] Был такой обычай на Руси. Изнасилованную девушку объявляли в церкви оставшейся девственной.

дишь! – подумал Малыга. – Скорей она сама…»

– Заглянуть к тебе вечерком? – предложил, сощурившись.

– Даже не думай! – возмутилась Любава. – Я себя блюду. У кого хошь спроси! Даже сосед – и тот лает меня «целкой церковной». Привечала б мужиков, кричал бы: «Блядь!»

– «Церковной»? – улыбнулся Малыга.

Любава насупилась.

– Батюшка сказал «непорочная» – значит, такая и есть!

– Жаль! – развел руками Малыга. – А то бы заехал.

– Сором тебе, посадник, девицу к блуду склонять! – осердилась Любава. – Коли по нраву, так замуж бери! По-честному!

Малыга захохотал.

– Нашла жениха! – сказал, отсмеявшись. – Ты на голову мою глянь, глупая! Вишь, седая?!

– Что из того? – возразила Любава. – Голова седая, а телом крепок. На ристалище молодых бьешь – сама видела. К женкам вдовым захаживаешь – весь Галич о том знает. Ко мне вот ночевать просился. Значит, не старый.

Малыга снова захохотал. Любава, нахмурившись, ждала, когда он закончит.

– Ладно, – сказал Малыга, отерев с глаз слезы. – Повеселила ты меня. Пошлю тиуна. Коли правду молвила, соседа накажут. Станет впредь лаяться – получит батогов. Довольна?

Любава кивнула, но не ушла.

– Что еще? – удивился Малыга.

– Замуж! – напомнила Любава.

– Так не звал! – изумился Малыга.

– Сказал, что я по нраву.

– Ну… – Малага почесал в затылке. – Сказать-то всякое можно. Рассуди сама: куда мне жениться, старому? Смеяться станут.

– Не станут! – возразила Любава. – За тебя любая пойдет!

– Так уж и любая! – не согласился Малыга. – Вдова – еще поверю, но чтоб девка? Девке со стариком невместно.

Любава потупилась.

– Не девка я, – сказала чуть слышно, – сам знаешь. Хоть батюшка и объявил, но девство порушено… И лет мне много – двадцать три. Как для тебя – так в самый раз! – добавила торопливо.

– Думаешь? – спросил Малыга.

Любава кивнула. Малыга прошелся по гриднице во второй раз.

– За тех, кто звал, не шла, – сказал, встав против просительницы. – За меня сама просишься. Захотела в посадницы?

Любава покачала головой.

– Тогда отчего?

– Ты мне по нраву. Крепкий, статный и гожий. С виду строг, но сердцем добрый. Встретил ласково, помочь обещал. Другой бы выгнал.

– Ладно! – сказал Малыга. – Я подумаю.

– Только недолго! – предупредила Любава. – Ждать не буду!

Она гордо подняла голову. Малыга засмеялся и отпустил просительницу. Жалобщиков в тот день набралось много, он принимал их допоздна, после чего, поужинав, отправился в ложницу. Спал плохо, ворочался и встал на заре. Надев новую свиту и такую же шапку, кликнул гридня. Спустя короткое время в сопровождении дружинников он выехал со двора и отправился на торг. Там купил золотые, с яхонтами серьги и красивый шелковый убрус. Сложил их в сумку и вскочил в седло. Встреченный прохожий рассказал, как проехать к нужному двору – тот оказался неподалеку. Прежде, чем постучать, Малыга внимательно осмотрел дом. Тот выглядел справным: крепкие стены, тесовая крыша; и не пузырь, а стекла в узких окошках. Забор вокруг дома был из высоких, тесаных плах, дубовые ворота окованы железом – не разобьешь. Малыга одобрительно крякнул.

– Хозяйка в поле! – сказала холопка, открыв калитку.

– Так рано? – удивился Малыга.

– Она с петухами встает, – поведала холопка. – Поснедает – и туда! Хозяйский глаз везде нужен.

– Проводи к ней! – велел Малыга. – Живо!

Холопка юркнула обратно, ворота отворились, из них выехал отрок. Рыжий коник под ним выглядел веселым и упитанным, шерсть его блестела, Малыга крякнул еще раз.

– Ты кто? – спросил отрока.

– Холоп Любавин! – сказал отрок и шмыгнул носом. – За конями гляжу. Скачи за мной, посадник! Мы скоро…

Доскакали и впрямь быстро: поле хозяйки было неподалеку. Еще подъезжая, Малыга заметил работающих в поле людей и знакомую фигуру наобочь пахоты. Любава была не одна. Рядом крутился мужичонка в суконной шапке. Они с Любавой о чем-то спорили, размахивая руками. «Это и есть сосед!» – догадался Малыга, с любопытством наблюдая за сценой. Спорщики увлеклись и не замечали гостей. Внезапно мужичонка что-то сказал Любаве, та отскочила и подхватила с земли грабли. Размахнувшись, огрела ими мужика. Тот закричал и закрылся руками. Любава ударила еще раз. Малыга пустил коня вскачь. Мужичонка увидел его первым.

– Защити, посадник! – закричал, кидаясь к коню. – Вишь, чего творит? Дерется! Вира мне за обиду положена!

– Вира, говоришь? – сказал Малыга, прыгая на землю. – А кто межу сироте запахал? Кто ее «целкой церковной» лаял? Святая церковь объявила девку непорочной, а ты, значит, против?

Мужичонка побледнел.

– Сказано в Правде: коли муж мужа батогом ударит, то с него вира, – продолжил Малыга, – но не писано, как быть, когда девка бьет. А раз так, то и взыскивать нечего. А вот про межу запаханную в Правде есть. Двенадцать гривен про-

дажи[8], и ты их заплатишь.

– Смилуйся, посадник! – мужик бросился на колени. – Христом Богом молю! Где ж столько взять?

– Тогда прикуси язык свой поганый и впредь держи за зубами! – рявкнул Малыга. – Прочь с глаз моих!

Мужичонка вскочил и убежал. Малыга снял с седла сумку и, ступая по вспаханной земле, пошел к Любаве. Дружинники двинулись следом. Любава смотрела на них, уперев руки в бока.

– Межою пройти не могли? – спросила, когда гости приблизились. – Пашню зачем топтать?

Малыга захохотал. Дружинники за спиной присоединились. Любава нахмурилась.

– Чего приехал? – спросила, когда посадник утих. – Тиуна ждала.

– А я более не по нраву? – прищурился Малыга.

– Грех тебе, посадник, смеяться! – насупилась Любава.

Малыга полез в сумку, достал убрус, положил сверху серьги и протянул девице.

– Вот!

– Что это? – удивилась Любава.

– Дар невесте. Они, – Малыга кивнул на дружинников, – видоки, что честью замуж зову, как девку непорочную. Пойдешь за меня?

– Я… – Любава вспыхнула, растерянно посмотрела на да-

[8] То есть в пользу князя.

ры, затем на посадника, на дружинников за его спиной. – Ты хоть бы человека упредить прислал! – выпалила сердито. – Нашел, где сватать! В поле, не прибранную…

– Домой к тебе заезжал, – ответил Малыга, пряча усмешку в усы, – сказали, что ты здесь. Вот и поскакал. Боялся не успеть. Грозилась ведь, что ждать не станешь. Ну, раз не по сердцу… – он завернул серьги в убрус, намереваясь спрятать дар в сумку.

– Отдай!

Прежде чем Малыга успел сообразить, Любава подскочила и вырвала дар. Развернув, выхватила серьги и мгновенно вдела их в уши, заменив ими свои, серебряные. После чего расправила и повязала убрус прямо поверх венчика. Тот встопорщился на темени, образовав на голове поперечный гребень. Малыга, не удержавшись, засмеялся.

– Ты! Ты…

Любава села на землю и заплакала. Малыга, потоптавшись, неловко опустился рядом.

– Ты что, ладо? – он обнял невесту за плечи.

– Ты… – проговорила Любава сквозь всхлипывания. – Думала: шутишь. Кто ты и кто я? Посадник и девка ославленная… Те, которым отказала, кричали: ноги должна им мыть и воду ту пить. Сосед и вовсе сказал, что никто добрый меня не возьмет…

– Голову ему оторву! – пообещал Малыга.

– Не надо! – сказала Любава, вытирая слезы. – Он и без

того удавится – из зависти. Вот что я скажу тебе, посадник! Честь великую ты мне оказал – о такой и мечтать не смела. Этого не забуду! Никогда! Отныне не будет у тебя человека вернее меня. Я теперь за тобой, как нитка за иголкой: хоть в хоромы, хоть в шалаш. И ноги мыть тебе буду! Знай!

– Этого не надо! – сказал Малыга. – Сам помою…

Выбор посадника изумил Галич. Любава не врала: породниться с Малыгой желали многие. Бояре наперебой сватали ему вдовых сестер и даже юных дочек, а тут смердка, к тому же непонятно кто: не то девка, не то баба. Мгновенно возник и пополз по Галичу слушок: посадник поспешной женитьбой прикрыл блуд. Возник и увял. Дружинники, бывшие с батькой, поведали о подробностях сватовства. Заодно намяли бока рьяным сплетникам – а не порочь честного человека! Языки угомонились.

На свадьбе батьки я не был: Малыга постеснялся торжества. Сейчас представилась возможность отдариться. Я поднес молодой жене ромейские паволоки. Любава ахнула, взяв в руки узорчатый шелк. Мужу достался меч в богато украшенных ножнах. Малыга немедленно извлек клинок, потрогал грань, бегущую посреди лезвия, оценил заточку и крепость стали.

– Кольчугу проткнет и разрубит! – сказал довольно. – Добрый меч! Угодил старику!

– Какой ты старик?! – засмеялся я, выразительно глянув на Любаву. Та закраснелась и потупилась. Малыга усмехнул-

ся и покрутил ус.

– Кажи сына! – сказал весело.

Я провел гостей в ложницу. Оляна встретила нас в постели (ей пока неможилось), но принаряженной. Малыга расцеловал княгиню в зарумянившиеся щеки, после чего склонился над младенцем.

– Вылитый батька! – сказал авторитетно. – И большой какой – настоящий волот[9]! Молодец, доча!

Любава глянула на младенца тем жадным взором, каким смотрят на чужих детей женщины, мечтающие о своих, и, склонившись, поцеловала Оляне руку. После чего все отправились к столу. Пир не затянулся. Ватага была в разъездах, а другие понимали: посаднику с князем нужно поговорить. Выпили за молодых, затем за новорожденного, после чего торопливо закусили. Я украдкой поглядывал на батьку. И без расспросов было видно, что он счастлив. Но еще более счастливой выглядела Любава. Она не отрывала от мужа влюбленных глаз, а когда тот встал, сославшись на нужду, скользнула следом. Я чуток подождал и тоже вышел. Малыга стоял в коридоре, а Любава висела у него на шее, прильнув щекой к его щеке.

– Что ты, ладо! – говорил Малыга, гладя женку по спинке. – Натешимся еще!

– Ага! – возразила Любава, поднимая голову. – Видела,

---

[9] Волот – богатырь. Слово «богатырь» (богатур) появилось в русском языке после татаро-монгольского нашествия.

как с князем перемигивался. Теперь ночь с ним проговоришь, а я тосковать буду. И без того мало тебя вижу… Поцелуй меня! Живо!

– Так уж и мало! – пробурчал Малыга, но просьбу жены исполнил. Я отступил назад: дальше подглядывать было сором.

Батько явился в гридницу не скоро и слегка встрепанным, а вот Любава не показалась. Спрятав усмешку, я поднял здравицу за гостей, те поняли и откланялись. Малага поставил кубок и вытер усы.

– Как назовешь? – спросил, щурясь.

– Иваном, – ответил я, поняв, что он о сыне.

Малыга кивнул. В лето, когда Галич стал наш, тело Ивана перевезли в Звенигород. Володько так и не узнал, где покоится княжич. Никто не выдал место захоронения, хотя знали о нем многие. В соборе отслужили литию, обветшавший гроб вложили в новый – из крепких дубовых досок, после чего младший брат лег подле отца с матерью, оставив старшего в неутоленном горе. Звенигород рыдал, плакали ватага и дружина, даже Малыга не удержался. Сам князь… Оляна позже сказала, что не чаяла видеть мужа в таких соплях. Я и сам не чаял…

– Крестных нашел? – продолжил Малыга.

– Хотел тебя звать.

– Княжича крестит князь! – возразил батько.

Я это знал. Князья на Руси повязаны узами; если не

родственными, то крестильными. Это заменяет договора о дружбе и помощи. Оно б, конечно, хорошо иметь крестным князя, только где взять? Кого ни пригласи, от всех будет афронт. Не любят соседи Ивана. Мало того, что сам никто и звать его никак, так еще на Галичский стол залез.

Примерно так я и сказал Малыге.

– В Теребовле сидит Ярослав, – возразил он, взяв полный кубок. – С тех пор как ты в Галиче, извелся весь. Удел-то Володько ему давал.

– Ну и что? – пожал я плечами.

– Боится, что прогонишь. Некуда ему идти. Он хоть и Рюрикович, да из засохшей ветви. Повсеместно Мономашичи с Ольговичами правят, а он им чужой. Заезжал я в Теребовль, так веришь? кланялся мне, как князю! Услышит, что крестным зовут, до небес воспрянет! Дар такой поднесет, что изумишься.

– Не нужен мне его дар!

– Пусть везет! – возразил Малыга. – Пока Володько не сбежал, Ярослав как мышь под веником сидел. Весь Галич за тебя был, а он до последнего ждал! Другим разом умнее будет.

– Ладно! – согласился я. – Ярослав так Ярослав.

– Крестной зови Ефросинью из Любачева. Она вдова. Была замужем за ляшским князем, да тот сгинул, детей ей не оставив. Деваться некуда, вернулась в Любачев, который в кормление ей дали. Помнишь?

Я помнил. Любачев княгине в кормление пришлось дать по просьбе ляшского короля. Того, в свою очередь, попросил брат мужа Ефросиньи: вдова мешала ему чувствовать себя хозяином. Ссориться с союзником не хотелось, и я согласился, скрепя сердце.

– Она тебе обязанная, – продолжил Малыга. – Баба разумная, в городе ее любят. Любавичский посадник шагу не сделает, ее не спросив. Честь ей окажешь и ляхам угодишь: за их князем замужем была. Роду Ефросинья доброго, Святослав Киевский ей троюродный дед. Вот и крестники…

Я слушал, угорая. Батько ел меня по полной. Инвентаризацию князей и княгинь, живущих в галичских землях, провести следовало давно. Разобраться, кто есть ху, чем живет и как дышит. На Руси это большая политика. Любой князь перечислит своих предков до двенадцатого колена, проследит генеалогию других родов – вплоть до прапрапрапрабабушки, выданной замуж за конунга Рваное Ухо, победившего ливов у Гнилого Брода. Здесь этому учат с детства. Правитель, мля! Считал, что есть дела поважнее. Опомнился, когда крестить сына стало некому…

– Чтоб я делал без тебя! – Я обнял Малыгу.

– Не подлаживайся! – он отпихнул – впрочем, не сильно. – Ишь, запел! Когда дурость затевал, не спрашивал!

– Ты о чем?

– О сиротах, коих князьями делать вздумал! Еле ватагу успокоил. Сказал: Иван с соседями дразнится. Виданное ли

дело: смердов в правители пихать!?

– Так ромеи советуют!

– Нам на них глядеть? У них одно, у нас другое. У ромеев простой дружинник басилевсом стать может, на Руси век от веку правит природный князь!

– А я?

– Что ты? – пожал плечами Малыга. – Потомственный Рюрикович, родной сын князя Петра Звенигородского и княгини Доброславы, сестры Мстислава Волынского.

Я не откусил язык лишь потому, что пил из кубка – разговор требовал подкрепления сил. Покосился на Малыгу: шутит? Прищур глаз у батьки был хитрый, но по лицу не читалось, что издевается.

– Переведи! – сказал я, ставя кубок. – С русского на греческий.

Малыга даже глазом не повел.

– Как сел ты в Галиче, многие стали спрашивать: откуда таков? То, что ты приемный сын князя Петра, ведали, но какого роду-племени? Вот и вспомнили…

Малыга почесал бороду, что служило признаком долгого рассказа.

– У князя Петра много лет тому случился разлад с женой. Трех дочек родила княгиня, а сына все не было. Петр ее не попрекал, но Собислава места не находила: наследника-то нет! То ли надоумил ее кто, то ли сама в голову забрала, но стала у поганых помочи искать: на капища ходить да идолам

кланяться. Прежде в церквах службы заказывала – там не помогло, решила других богов просить. Петр, как это узнал, крепко разгневался. Укорял жену, ругал всяко – не слушала. Как только князь отъедет, она шмыг – и на капище. Рассердился Петр и съехал во Владимир-Волынский, к князю Мстиславу, который давно в гости звал. А к Мстиславу как раз сестра вдовая из Менска вернулась…

Малыга осушил кубок, я торопливо наполнил. История становилась захватывающей.

– Доброславу выдали замуж за Ингваря Менского в осьмнадцать лет. Князь не молод был, да и вдовый к тому же. Своих детей полон двор, а тут молодую женку взял. Только не по любви. С Мстиславом породниться хотел: в силе был князь Волынский. Недолго пришлось Ингварю с молодой женой тешиться. Месяца не прошло, как на охоте с коня сверзился – и головой о камень. Может, помогли ему в том – ходил такой слух, да видаков не было. В Менске брат Ингваря сел, вдова ему без надобности, он ее к Мстиславу и отослал. Пригожей была Доброслава, да отец твой не хуже. Ликом чистый, сам статный, умен, речист – куда там Ингварю! Покойный-то жаба-жабой был, к тому же пил с утра до вечера. Чего терять вдове? Замуж не возьмут – княжон хватает, одна судьба – в монастырь или векуй при брате. Быстро у них сладилось. Мстислав это заметил, да смолчал. Видно, решил: пусть потешится сестра, раз судьба ее такая: любил он Доброславу. Словом, ехал князь Петр во Владимир на ме-

сяц, а остался на три.

Малыга помолчал.

– Как слух о том дошел к Звенигороду, Собислава испугалась. Мол, наденет на нее муж монашеский клобук, а сам с ладушкой обвенчается. Правильно опасалась: было у князя такое намерение. Кинулась Собислава во Владимир и пала Петру в ноги. Вымолила прощение. Страшной клятвой поклялась, что более к идолам – ни ногой. Пожалел Петр дочек. Доброслава плакала, а что сделаешь?

Через полгода родила она сына. Объявили, что от Ингваря, только мало кто тому верил. Младенца окрестили Иваном. А у князя Петра через два года другой сын родился – и тоже Иван…

Малыга приложился к кубку.

– Как Собислава умерла, князь Петр ездил к Мстиславу сестру вдовую сватать, да опоздал – постригли ее…

Малыга вздохнул.

– О том Градислава, старшая сестра князя, позаботилась. У Мстислава наследников не было – сплошь дочки. Сыновья рождались, да умирали в младенчестве. Кому стол передать? Мстислав подумал и решил: сыновцу Ивану. Женись Петр на Доброславе, так бы и вышло: сберегли бы мы наследника. Только Градислава иного желала. У нее самой сыновей не было, а муж, ляшский князь Болеслав, спал и видел, как Волынь захватить.

Градислава наклепала на сестру: дескать, мужей привеча-

ет, честь княжескую не блюдет, Мстислав и поверил. Велел Доброславу постричь. Иван без ока материнского остался, Градиславе того и надобно было.

Малыга отхлебнул из кубка.

– На охоте это случилось. Княжичу тринадцать стукнуло, время уже на ловы ездить. Подняли кабана. Иван от дружины оторвался – конь у него добрый был – и сгинул. Кинулись искать: нашли коня. Стоит у болота и фыркает, а княжича нету. Кричали, искали – как в воду канул. Подумали, что кабан в болото порскнул, Иван – за ним. Оба и утопли. Переполох, все плачут, Мстислав велел распорядителя охоты повесить, да что толку? Болото добычу не отдает…

Малыга поставил кубок.

– Через два дни был я там и проехал следом. Подковы у жеребца Ивана были приметные. С версту болота того не доходя, нашел полянку, а на ней следы трех коней. Только не княжеских. У тех подковы гладкие, а у этих с шипами – не успели с зимы перековать. Стал приглядываться, а сбоку на кустах – ветки поломанные, а на них – кровь. Мало совсем, потому и не заметили, когда искали.

– Ну? – не утерпел я.

– Засада Ивана ждала. Сбили его стрелой, а тело увезли. После или закопали тишком, или в реку с камнем бросили – кто ведает? Коня же к болоту пригнали, чтоб все думали: утоп. Стал разбираться. Градислава с мужем как раз у брата гостили. Я подковы у ляхов глянул – с шипами.

– Сказал князю?

– Стал бы он меня слушать! Видаков-то нет. Не только у ляхов кони не перекованы.

– Зачем ты ездил во Владимир?

– Доброславу повидать.

– Князь Петр послал?

– Ну… – Малыга замялся.

Я вдруг понял. Мы-то гадали в ватаге: отчего батька бобыль? Ведь и собой хорош, и бабы к нему тянутся, ан нет! У Малыги, в отличие от Петра, надежды на счастье не было: княгини не выходят замуж за воевод – если, конечно, те не князья. Как надо любить женщину, чтоб столько ждать? И только поседев, избрать себе половинку, причем с такой же изломанной судьбой?

– Ты объявился в Звенигороде через год после того, – продолжил Малыга. – А теперь представь: находится отрок, зовут Иваном, лет ему четырнадцать, как и должно быть сгинувшему княжичу. Кто таков – неведомо, сам он того не говорит, сообщает только, что жил у поганых, которые подобрали его, раненого. Уразумел, о чем мы подумали? Приплыл-то в Звенигород – единственное место, где княжичу Ивану спасения искать стоило, а что таится и не говорит о себе, так опасается: как встретят? Тем более, что ликом с покойным княжичем ты схож. Не совсем, конечно, но у отроков, пока они растут, обличье меняется.

Я молчал, но Малыга и не ждал вопроса.

– Потом разобрались, конечно. Однако решили, что Господь тебя послал. Забрал одного, но дал другого. Поэтому князь Петр тебя усыновил. Уразумел, к чему я?

Я покачал головой.

– Мстислав месяц, как умер. Во Владимире Болеслав с ляхами сел. Закрыл пути, купцы в Галич проехать не могут. Мыто им ляхи положили такое, что любой разорится. Караваны повернули на Киев. За одно такое войной идут, а Болеслав еще и задницю[10] чужую схапал. Через жену на Руси земли не наследуют. Тем паче, что настоящий наследник, которого сам Мстислав избрал, жив и здоров. Уразумел?

Батька – голова. Волынь – это вам не баран начихал. Сильное, богатое княжество, ничуть не уступающее Галичу. Надо брать! Землями прирастем – соседи обзавидуются. Моральные соображения – по боку! Я, конечно, не племянник Мстислава, но Болеслав, убивший законного наследника, сволочь еще та. К тому же ляхи – соседи беспокойные. С запада подпирают, теперь и с севера станут?

Это с одной стороны. С другой – междоусобица. В Киеве отреагируют нервно. Болеслав хоть лях, но князь, Иван же – непонятно кто. Если Великий поднимет Русь… Со смоками отобьемся, но крови, своей и чужой, прольется море. Да и не готовы мы к походу. Большая часть дружины на рубежах – в Звенигороде сотни не наскрести. У Малыги в Галиче – от силы две. Смоков тоже двое – второй вернулся вчера, осталь-

[10] Задниця – наследство.

ные в разлетах. Слишком мало для затяжной войны. У Болеслава сил больше. И еще…

– Княжича знали в лицо.

– С той поры минуло двенадцать лет! (Малыгу не прошибить. Он уже все решил). Был отрок, стал муж. У тебя – борода, усы… А вот глаза, как у Ивана. Теперь вот что скажу, княже. Хоть мнят люди, что ты сыновец Мстислава, а подтверждения нет. Возьмешь Владимир – поверят. Спешить надо, пока Болеслав не укрепился. И еще одно… – Малыга побарабанил пальцами по столу. – Опоздаем – Доброславе не жить. Она ведает, кто сына ее убил. Не только ведает, но и Градиславе о том сказала. В рожу ей плюнула.

Худо. Медлить нельзя.

– А Доброслава?

– Ждет! – ответил Малыга, вставая.

– Когда выступать?

– Завтра!..

4

«Завтра» не получилось, выступили через два дня. Войско собрать – это не порты натянуть. Пригнать дружину из Галича – полтора дня. Гонец, сборы, прощание с семьями (слезы жен и детей, вопли: «На кого ты меня, сиротинушку, покидаешь?»), переход в Звенигород, отдых, сон. Своих поднять тоже не скоро. Дружина на месте, но бояре – в весях. Они хоть не новики, но сложить торока, вооружить боевых холопов, проверить амуницию – на все нужно время. К тому же, по закону подлости, найдется расковавшийся конь или прохудившаяся сбруя; первого надо перековать, вторую – починить. Потому как явиться не готовыми к походу означает разозлить князя. Его не обманешь, сам в дружинниках с отрочества; проверит, посчитает – и останешься ты, боярин, без земель, кои за службу дадены. Ищи потом место в иных пределах! Найти, может, и найдешь, да только что? Здесь и нива родит, и дом справный, и глаз к окружающим пейзажам привык…

Малыга торопил, но я настоял: должны быть готовы от каблуков до шапок. Вернее, от копыт до шпилей шлемов. Мы сбились с ног, проверяя снаряжение. Пересмотрели каждую мелочь – до последнего ухналя[11]. В таком деле лучше переб-

[11] Ухналь – гвоздь для подков.

деть, чем наоборот. Враг ухналь не подарит. Если и пришлет, то с заточенным лезвием и с оперением на конце.

Провожали нас всем городом, Оляна тоже вышла. Протянула Ивана Ивановича, еще не крещеного, но уже поименованного; я приложился к лобику сына (тот даже глазки не открыл – спал, насосавшись мамкиного молока), клюнул жену в губы и вскочил в седло. Оглядываться не стал – не люблю долгих проводов. С Малыгой заранее решили: еду с дружиной. Смоки обеспечат разведку, выбор мест стоянок, они же отгонят супостата, буде такой объявится. Олята с Зыхом с этим справятся, а дружине с князем спокойнее.

К Владимиру успели через пять дней. Врасплох не застали – сторожился лях. Олята с Зыхом видели разъезды, пытались перенять, да без толку – только спугнули. На внезапность мы не рассчитывали, более того – не желали ее. Открытые ворота – это соблазн. Возникает желание ворваться и показать ворогу, где раки зимуют. Только в тесноте города, когда стрелы бьют с крыш, а десяток воев, перегородив улицу, легко сдержит сотню, это стоит крови. Смоки не помогут. Они хороши в чистом поле, а в городе от них пользы, как от медведя в клетке. В итоге – огромные потери и непредсказуемый результат, учитывая, что людей у Болеслава больше.

К стенам приближаться не стали. Остановились на выгоне, в двух полетах стрелы от города, и окопались. Эту моду я перенял у ромеев, а те – у римлян. Ров, вал, на валу – тын. Колья с руку толщиной, наклоненные в сторону врага. Вбили

в землю, топором чик-чик – острый. Сунься, ворог! Смоки над лагерем кружат, охраняют. Владимир на стены высыпал. Во-первых, на смоков поглядеть (диво!), во-вторых – на ворога. Тем более, что тот – странный. Нет, чтоб к стенам подскочить да перебранку затеять. Дескать, ворвемся в город, и будет вам кирдык. Воев порежем, дома пограбим, жен с дочками поимеем – долго и со вкусом. А со стен им соответственно: «Только суньтесь! У нас тут для вас камни, бревна, кипящая смола и прочие вкусности!» Обычная забава перед резней. Так нет же! Пришли и молчат. Землю копают да колья бьют. Чудны дела твои, Господи!..

Стратегию мы строили на скаку. Владимир штурмовать и жечь нельзя – это потери и неприязнь жителей. Та, что выливается в сброшенный на голову камень, пущенную стрелу и удар клинком в печень. В поле рубиться тоже худо. Лях выставит вперед волынцев, мы их вырежем, а лях скажет: «Глядите! Князь Иван убил ваших мужей!» Объясняй потом вдовам и матерям… Вывод: сечи всячески избегать, давить гада психически. Лях наверняка думает: «Хитрит Иван! Привел под стены дружину малую, а большую за лесом спрятал. И смоков у него не два, а с десяток. Хочет нас в поле выманить. Шалишь!»

Мы не шалим: огородились и стоим. Гонцов не шлем, в переговоры не вступаем. В сторону Владимира даже стрелы не пустили. Странный ворог, непонятный. Город обложен – мышь не проскочит, но в посадах тихо. Дома стоят без при-

смотра, свиньи, в сарайчиках забытые, визжат, куры квохчут. Больно на это хозяйскому сердцу со стен смотреть. Налети галичане да похватай живность, было бы легче – не зря убегали. Так нет, не трогают! Что делать? Животина-то голодает!

Полезли. Сначала по одному сквозь приоткрытые ворота, а после – толпой. Хрюшку накормить, яички забрать, казну, под деревом закопанную, проверить – на месте ли? Поначалу оглядывались: вдруг галичане наскочат? Затем осмелели, к лагерю подошли: свинку купить не желаете? Все равно пропадать! За две ногаты отдадим! Желают… Вот тебе, волынец, серебро, тащи свинку! Один притащил, второй – пошел торг. А где торг, там и разговор. Сведения текут. Смутно во Владимире, ляхами недовольны. Наглые они, жадные. Болеслав город данью обложил – только охнули. Нет, вот же придурок! Зачем сразу? Ты обласкай, укрепись, а после стриги. Русский люд, он на ласку отзывчив… Куда там! Для ляхов мы – быдло. Это нам плюс, но маленький. Владимир ляхов не жалует, но галичан боится. Возьмут город на щит, разграбят, обдерут до последней нитки, а что с женками и дочерьми станет, любому понятно.

Дружинники ведут разъяснительную работу. «Какой грабеж? Мы в посаде хоть курицу взяли? За все платим. Свинье твоей ногата красная цена, а мы дали две! Почему? Князь повелел! Он черный люд любит, не слышали? Вы что? Так любит, что прямо кушать не может, мамой клянусь, генац-

вале! Думаешь, нам не хотелось свинку твою приватизировать? Еще как хотелось! Только князь сказал: повесит! Он у нас такой…»

Не врут, между прочим: повешу! Так и объявлено. Посадским эти речи – мед. Князь запрещает дружинникам грабить? Чудеса! И вправду добрый! Стоит людям рассказать – пусть те подивятся! Рассказали. В лагерь уже толпами ходят. Кто торгует, кто просто любопытствует.

Лях спохватился. Поначалу радовался: лазутчикам – раздолье! Все вызнают! Сколько у Ивана людей, каков дух войска, чего замышляют? Сообразил, но поздно. Какая главная беда у осаждающего войска? Недостаток людей, стенобитных машин, стрел и копий? Не угадали. Продовольствие! Осаждающих всегда больше, чем осажденных, прокормить такую прорву – задача еще та. С собой много не притащить, а шарить по окрестностям – ослаблять войско. Фуражиры уходят все дальше, а привозят все меньше. Голод, болезни, упавший дух; постояли, постояли – и ушли. Только у нас не так. Во-первых, дружина малая – прокормить проще, во-вторых, еды полно. Откуда? Купили! Посадские свинки помогли. Продавцы вернулись и рассказали: в лагере у Ивана за скот втрое дают! Не уразумели? Читайте по губам: втрое! Где такой барыш видели? Торопись, мужики!

Как скот из города выгнать? А кто на воротах стоит? Свой парень, посадский. Дай ему ногату – и хоть слонов гони! Ночью, разумеется – днем ляхи не позволят. Слонов во Влади-

мире нет, а вот коров и овечек – полно: согнали перед осадой. В городе и без того не повернуться, а тут мычат, блеют, гадят. Да еще корми их! Фуража мало, не успели свезти, цены взлетели. А вот на мясо упали – много его. За стены скот переправил – и нет хлопот! Плюс серебро в кошеле позвякивает. Заманчиво…

Представляю, как ухмылялся лях, видя, что с осадой не спешим. Радовался: поголодают и уйдут. Мы не голодаем: рожи поперек себя шире, лях наконец-то разглядел. Ворота закрыли, людей не выпускают. Нам и не надо. Скотины полон луг. Травку щиплет, мясо нагуливает. Есть крупа, мука, сало – месяц можно стоять, а то и два. А вот в городе голодно. Смерд, он и толокном обойдется, а воину мясо подавай. Чтоб доспех и оружие таскать, силы нужны. Мяса нет – стада к Ивану согнали. Не дешево обошлись, но скупиться не стоило. «Для войны нужны три вещи, – любил цитировать дядя Саша итальянского маршала, – деньги, деньги и еще раз деньги». Я запомнил…

Дождались: гонец. Князь Болеслав желает говорить с князем Иваном. Отчего не поговорить добрым человеком? Обсуждаем условия. Встреча на половине пути от лагеря к городу, свита у каждого – двадцать человек. Болеслав требует, чтоб смоков убрали. Ладно. При одном условии: в свите Болеслава волынцев с ляхами будет поровну. Пусть знают, о чем князья рядятся! И без ряженых, пожалуйста: волынцев в лицо знаем. Блеф, конечно, но поди, догадайся! Гонец мнет-

ся, но соглашается: смоки страшнее.

Ночью почти не спим. Все обговорено, перепроверено, но на сердце тревожно. Как ни планируй, все не предусмотреть. Какая-нибудь гадость непременно вылезет. Хорошо, если маленькая. А если нет? Глаза, наконец, слипаются, только смежил веки – трясут за плечо. Пора!

Два отряда сближаются на лугу. Стены Владимира черны от народу – решающий момент. Лица воинов напряжены, но мечи пока в ножнах. Болеслав выезжает вперед, я – тоже. Между нами – конский скок. Какое-то время разглядываем друг друга, вернее – ворог ворога. Лях не молод, но и не стар. Борода в седине, но телом крепок. А вот лицо… Кожа серая, глаза красные. Или не спал, или пил много, то и другое – нам на пользу.

– Здрав будь, князь Иван!

И тебе того же! По-нашему гладко шпарит – навострился от жены. К тому же речь ляхов от русской пока мало отличается – одного корня народы. Со временем это забудут…

– Зачем пришел в мои земли?

Хороший вопрос! Ожидаемый.

– С каких пор они твои?

– Как умер Мстислав!

– Он тебе их заповедал?

Пусть предъявит духовную! Только нет ее – не оставил князь.

– Я ближайший родич Мстиславу!

– А как же сыновец князя?

А вот теперь в глаза мне, в глаза! Задергался, взглядом по лицу моему шарит. Это с чего? Сходство ищет? Значит, не уверен. Почему? Если б мертвого княжича видел, держался бы нагло. Думай, Иван, думай! Скорее всего, убийство поручили наемникам, а тех после убрали. Шито-крыто, концы в воду. Сейчас свидетель пригодился бы. Мы с Малыгой этого очень боялись. Выползет хмырь и скажет: «Лично княжича закапывал! Место могу показать!» Правда, сказать такое – голову в петлю сунуть, но мало ли дурней? Посулить защиту, отсыпать серебра, чтоб блеск его глаза застил. Молчат. Не нашлось среди ляхов дурней…

– Княжич Иван сгинул! Двенадцать лет тому!

А голос-то дрогнул. Добавим:

– Неужели?

И взгляд с прищуром. Пусть оправдывается, нам-то зачем?

– Что ж не объявился княжич? – находится лях. Домашняя заготовка, нами просчитанная. – За столько-то лет?

– Татей сторожился. Раз не убили, в другой раз смогли бы. (Это правда, даже врать не надо: бегали мы от убийц, только от других). Ты часом не ведаешь, княже, кто татей тогда к Ивану послал?

Дружинники за спиной Болеслава зашевелились. Волыняне… Им, знаете ли, интересно.

– Почем мне знать?

Силен лях: быстро оправился.

– Не верю я, что тати Ивана убили. В болоте княжич утоп, о том всем ведомо. Самозванец ты, князь Иван!

Вот и сказано. Лях усмехнулся и приосанился, гордо так. Пора бить – и под дых.

– Так это, брате (ух, какие мы ласковые!), проверить легко. Во Владимире мать княжича живет. Пусть она и скажет!

Как тебя, болезного, скрутило! Не ждал? Самозванец разоблачения просит. Добавим!

– Христом Богом клянусь перед тобой, Болеслав, и перед воями твоими, что немедля уйду, коли Доброслава не признает. И пусть накажет меня Господь!

И крестное знамение – широко, от плеча к плечу. Ляху возразить нечего. Сам кричал: «Самозванец!»

– Еще прошу, Болеслав, за княгиней волынцев послать. Не хочу, чтоб беда с матерью случилась.

А это уже гвоздь – в крышку гроба. Вам надо свидетельств? Их есть у меня! Волыняне за спиной Болеслава, не дожидаясь приказа, разворачивают коней. Крикни им сейчас лях – не остановятся.

Ускакали, ждем. Болеслав хмурится, да и я не весел. Легко говорить, а как дело станет? Легенда наша – тьфу! и растереть. Белыми нитками шита. Если Иван Мстиславу – сыновец, почему не объявился, как в Галиче сел? Кто мешал? Боялся: не признает дядя? Так мать жива…

Задай Болеслав этот вопрос, стал бы я мямлить. Дескать,

дали по голове, память отшибло. Не помнил себя. А вот недавно память вернулась. Угу. Как раз ко времени, как стол освободился… Гнилая отмазка – хорошо, что лях не спросил. Теперь все в руках Доброславы. И не факт, что признает. Монашкам лгать нельзя: Господь не велит. Возьмет грех на душу? Она-то обнадежила гонца, но передумать не поздно. Не глянется самозванец – и все тут! Женщина…

От города скачут. Боже, целая толпа! Впереди дружинники, следом – простой люд. Кто верхом, кто просто бежит. Оповестили, значит. Ну, если облажаемся…

Ляхи зашевелились и обступили Болеслава. Та-ак… Ладно, это забота Малыги, у нас другая. На коне у волынянина, скачущего первым, – женщина в черной рясе. Сидит боком, дружинник бережно придерживает ее рукой. Подскакал, спрыгнул на траву, протянул руки. Женщина соскользнула вниз, шагает к нам. Лицо худое, изможденное, одни глаза. Серые, огромные… Не глаза – глазищи! Как я понимаю батьку!

Прыгаю из седла, иду навстречу. Глазищи смотрят, не отрываясь, я физически чувствую, как они буквально ощупывают мое лицо. Тишина стоит – комара слышно. Тяжко-то как! Зачем смотришь так, Доброслава? Ты ведь знаешь: я не твой сын! Ивана убили – и давно. Мне его не заменить – я здесь, чтоб наказать убийц. Пойми это и прости! Пожалуйста…

Спина сгибается – она маленькая, княгиня Доброслава.

Глазищи смотрят в упор. Ну? Сухая ручка трогает мою щеку.

– Иван…

Понимай как хочешь: или гостя поприветствовала, или сына признала. Умна инокиня Пелагея. Только волынцам достаточно: заорали, бросая шапки вверх. Прижимаю к себе сухонькое тело. Какая же она худая! Голодом, что ли, морили? Теперь повернуться спиной…

Бац! Бац! Бац! Больно-то так! А если б накладную броню под кольчугу не вздел? Как возражал против этого плана Малыга! Кричал, кипятился… Пришлось продемонстрировать: даже с близкого расстояния самострел против стальных пластин не пляшет. Главное, чтобы ляхи о них не знали. Пришлось под свиту пихать, сверху натягивать обычный доспех. Купились… Почему бы нет? Самострелы с такого расстояния кольчугу прошивают легко, схватить и выстрелить – дело секунд. Ляхи самострелы взведенными привезли, в руках держали. Болты – в канавках. Готовились, суки! Ну и мы…

– Руби их! В песи!

Малыга ревет, как смок. За спиной – замятня. Вопли, ржание коней, лязг железа. Скашиваю взгляд – оборачиваться рано. Ватага рубит ляхов, волынцы подскочили – стреляли-то в их князя (я теперь – их!), но лучше б не дергались – только под ногами путаются. Ляхов мало, и с каждой секундой становится меньше. Вот остался лишь князь, он бросил меч, показывая, что сдается, но Малыга будто не видит. Подаренный мной германский клинок описывает сверкающую

дугу. Голова ляха подскакивает на плечах и катится за спину. У Болеслава, к слову, шею защищала бармица. Добрый меч!

Малыга вытирает клинок о гриву коня, бросает в ножны и подъезжает ко мне. Наклоняется.

– Как спина?

– Болит.

– Стрелы отскочили, – успокаивает Малыга. – В железо попали. Синяки будут – и только!

Ну и ладно – не в первый раз. Малыга соскакивает на землю и осторожно заглядывает через плечо. Лицо у княгини бледное, глаза закрыты.

– Жива?

– Я же закрыл ее!

– Могли попасть… – бормочет он.

Я отстраняю княгиню, оглядываю. Стрел не видно, как и дырок в рясе. Не попали. Доброслава открывает глаза, смотрит на Малыгу.

– Ты зарезал его?

– Да! – батько склоняет голову. – Только что.

– Теперь ее! – шипит Доброслава. – Не упусти!

– Не убежит! – машет рукой Малыга.

– Не медли! – не унимается княгиня.

Я смотрю на нее во все глаза. Вот тебе и монашка… А ты чего хотел? Рюриковна, у них месть в крови… Доброслава поворачивается ко мне.

– Спаси тебя бог, княже! Прикрыл. Я как Болеслава уви-

дела, так сразу поняла: убьет!

Мы тоже как-то догадались…

– Теперь – в город!

Княгине подводят коня, она качает головой. Указывает на моего. Сажаю ее на шею жеребца, запрыгиваю в седло. Еду, прижимая к себе худенькое тело. Дружина втягивается в ворота – лях держал их открытыми. Рассчитывал: застрелят Ивана, возникнет замятня, а он тем временем сбежит. А мы, конечно, такие дурни, что не поняли… В городе сейчас резня. Присмотреть бы, но рядом княгиня. Ладно, Малыга справится…

– Город твой, – говорит Доброслава. – Сам в нем сядешь?

– Нет.

– Отдашь кому-то в удел?

– Я княжеств не раздаю.

– Значит, будет посадник, – заключает Доброслава. – Малыга?

– Он нужен в Галиче.

– Тогда кто?

– Еще не решил.

– Могу подсказать…

Скачущие обочь дружинники смотрят благоговейно. Мать обрела сына после долгой разлуки. Они, наконец, воссоединились, и сейчас, наверное, вспоминают давнее. Слышали бы… Нет, я не жалею. Все правильно: Владимир наш, Доброслава спасена, справедливость восторжествова-

ла. Только немножко, совсем чуть-чуть, погано на душе. Обидно за чувства, которые испытал при виде княгини. Почему-то вспомнилась мама…

На главной улице трупов не наблюдается – вернее, их совсем нет. Ляхи не дураки. Не стали сражаться на улицах, отступили и заложились. Толковый у них воевода. Предстоят переговоры. Ладно, успеем.

Доброслава указывает на терем в конце площади – скачу туда. Здесь миром не обошлось. На крыльце валяются трупы: наши или ляхов – не разобрать. Снимаю с коня Доброславу, она спокойно перешагивает через тела. Дружинники бегут вперед: в коридорах может ждать ворог. Похоже, что нет: на пути попадаются тела, и теперь видно, что это ляхи. Доброслава шагает уверенно: по всему видно, что бывала здесь. Останавливаемся перед дверьми гридницы. Дружинники врываются внутрь и показываются обратно. Лица кислые. Входим. На полу – три тела: двое мужчин и женщина. Мужчины в броне, но без оружия – унесли. Тела в крови – стражники бились насмерть. Одному снесли голову, второму – отрубили руки. Женщина лежит за ними, лицом вниз. На желтом летнике во всю спину – кровавое пятно. Доброслава делает знак. Дружинник наклоняется и переворачивает тело.

– Градислава…

Княгиня плюет на труп и пошатывается. Подхватываю на руки.

– Найдите кого-нибудь!

Приведенная холопка ведет нас в трапезную. Здесь стол и лавки. Усаживаю Доброславу.

– Вина!

Холопка исчезает и возвращается с кубком. Подносит княгине.

– Отпей сначала сама!

Под суровым взглядом Доброславы холопка делает большой глоток. Княгиня берет кубок и приникает к нему. Мда… Жестом отсылаю холопку с дружинниками. Доброслава ставит на стол кубок.

– Я почитала ее, как мать, – бормочет чуть слышно. – Старшая сестра. А она…

«Она» силой постригла младшую и убила ее сына. В мире есть две вещи, которые превращают родственников в непримиримых врагов. Власть и деньги. Часто эти причины смыкаются. Кто заколол Градиславу? Надеюсь, не Малыга. Доброслава бормочет:

– Холопок моих потравили. Сначала Весею, потом Гостену… Весея еду мою пробовала, а как умерла, мы монастырское перестали есть. Гостена в город за хлебом бегала, тем жили. Так они зелья в кувшин с водой всыпали: Гостена попила – и не встала. Никого у меня не осталось. Три дня без крошки во рту, воду из реки пила: в колодце отравить могли. Вовремя ты, княже…

Черт бы подрал этот гадючник! А вот и Малыга! Запыхал-

ся…

– Княже! Ляхи в соборе заложились, их там сотни. Грозятся биться насмерть. Люди дрова к стенам несут – сидельцев выкуривать. Выскочат – многие лягут.

– Убей их! Засеки! Всех!

Доброслава вскочила, глаза бешеные.

– Нет!

Кулак врезается в стол. Кубок подпрыгнул и повалился набок. На выскобленных досках расплылось красное пятно.

– Слушай меня, княгиня! Это твой город, и жить ты будешь, как пристало твоему званию, но править княжеством буду я – и никто более! Никто не смеет мне указывать! Ясно?!

Малыга побледнел, княгиня опустила глаза. Вот так! Пропадите вы пропадом! Иду к двери.

– Иван!

Голос тихий, чуть слышный. Поворачиваюсь.

– Осторожней там!..

У собора – толпа, шум и гам. Под стенами свалены вязанки хвороста, поленья, лавки, столы. Вот-вот подожгут. При нашем появлении толпа расступается. Подъезжаю к самым дверям. Это опасно: могут выстрелить из окошек, прорубленных в хорах, но накладная броня у меня и спереди. Мы же не знали, куда будут стрелять. Впрочем, если подцелят в глаз…

– Эй, в соборе! Я князь Иван! Выходи поговорить!

Площадь замирает. В соборе тоже молчат. Пауза. Неуютно чувствовать себя мишенью. Вдруг все же выстрелят? Ляхи – забубенные головы, им море по колено. Особенно, как напьются. Скрип засова… В воротах, окованных железом, отворяется калитка. Из нее, пригнувшись, выбирается лях. Он немолод, худощав и жилист. Броня на груди порублена, причем отметины свежие, за поясом – длинный, прямой меч.

– Я Войцех из Сосновца герба Богория, маршалок княжий. (По-нашему – воевода, значит). Чаго трэба, княже?

– Кидайте зброю – и будете живы!

Лях молчит, прикидывает.

– Пока зброя в рэнках, таки и мы живы, допокеды не сгинем. А сгинем, так то не наша, а Господня воля бэндзе.

Ухмыляется.

Показываю рукой на сваленные у храма дрова, смолу в бочках, хворост и лучников за спиной.

– Ты такого конца хочешь?

– Божий храм спалишь?

– Твоих людей спалю. А храм новый отстрою. Лучше этого.

Молчит воевода, улыбку спрятал.

– А как бросим зброю, цо бэндзе?

– Отведем за межи княжества. Далее – бредите, куда желаете. Вы мне без надобности.

– Крест целовать будешь?

– Перед лицом Господа нашего и Богородицы, матери его!

Крещусь и нательный крест целую. Лях зорко наблюдает за каждым движением. Потом еще раз окидывает цепким взглядом площадь перед собором – прикидывает соотношение сил. Битый волк! Только смотри, не смотри, а кинетесь – ляжете. Дружина луки приготовила, разожгла огонь и у бочек крышки повыбивала. Войцех, конечно, тоже не прост. Выломают иконостас, прикроются от стрел и попытаются пробиться. За стены пройдут, но тем дело не кончится. У нас дружина и смоки. Догоним, окружим, вырежем. Крови прольется море. Мне этого не надо, ляху – тоже. Для того и заложился в соборе, чтоб жизнь выторговать.

– Всех отпускаешь?

Вопрос правильный.

– Тех, кто грабил, убивал и насильничал – нет. Буду судить.

– Всех пусти – уйдем. Нет – на смерть сядем и твоих воев заберем.

Натравить на них волынян? Повязать кровью новых подданных, чтобы пути им назад не было? Да только не любят здесь, когда княжение с большой крови начинается, а ляхи волынян проредят заметно. Вечером по городу бабы голосить будут…

– Те, на кого горожане перстом покажут и дела злые назовут, будут свои грехи у них и выкупать… Или в петлю пойдут. Так годно?

Лях задумывается. Помедлив, кивает. Выкупаться его

дружине есть чем. Лучше пожертвовать частью, чем лишиться всего.

– Расступись!

Дружина рассекает толпу, образуя широкий проход. Из дверей собора течет ручеек сдающихся. На паперти у ляхов отбирают мечи, стаскивают брони, оставляя, правда, кинжалы в локоть длиной и короткие копья. Кошели не трогают. Взяли бы в бою – до исподнего раздели, а тут нельзя. Не положено. Ляхи не ропщут – жизнь дороже. Пленных отведут в наш бывший лагерь и оставят под охраной. Утром погонят к границе княжества. Под присмотром. Иначе нельзя. Опытные убийцы, они и без оружия захватят любую весь. Уведут смердов, сожгут избы…

– Он! Этот!

Из толпы выскакивает баба и подбегает к одному из ляхов.

– Он меня ссильничал!

Дружинники крутят опознанному руки и отводят в сторону. Лях затравленно оглядывается. Чего зыркаешь? Когда задирал бабе подол, головой думал? Теперь, если не умаслишь бабу и родственников, то на мир посмотришь с городской стены, с веревкой на шее…

Из колонны ляхов выводят еще нескольких. Насильников, грабителей, убийц… Двое зарезали лавочника. Забрались в дом ночью – думали, не узнают, но домочадцы разглядели сапоги. По ним и опознали. К моему удивлению, преступников мало – Войцех, как видно, держал войско в узде. Силен

лях! Может, позвать на службу? Князя он потерял, другого не найти. Смерть Болеслава воеводе не простят. Вины Войцеха в ней нет, но попробуй – докажи! Без службы лях ноги протянет – такие живут мечом. Ладно, посмотрим…

За окошками плещется тьма, гридницу освещают масляные лампы. Трупы прибрали, полы вымыли, но все равно не по себе. Пир завершается. Часть волынцев лежат рожами в блюдах, кое-кто свалился под стол, мои пока держатся. Доброслава отсутствует – и слава Богу! До сих не определюсь, как себя с ней держать. По левую руку от меня – Войцех. Место почетное, волынцы косились, но лях нужнее. Он выхлестал уже с ведро, но хоть бы в одном глазу. Только лицо побелело. Внезапно Войцех наклоняется.

– Ты, княже, убил Болеслава?

– Нет!

– По твоему приказу?

– Нет.

– Как дело было?

– Люди Болеслава мне в спину стрелили, мои вступились…

– Не знал этого, – Лицо воеводы смурнеет. – Был бы там – не позволил!

Потому тебя и не взяли! И хорошо сделали: лежал бы сейчас без башки на плечах… Давай, лях, рожай! Предложение было сделано.

– Згоден, княже!

Наконец-то! Вот ведь, пся крев! Штаны драные, а гордости… Не хочу признаваться, но Войцех мне нравится. Есть у него достоинство: не спешит кланяться первому же князю. Такой и слово держать будет.

Хлопаю его по ладони – срядились.

– Костел во Владимире поставишь, княже?

Нет, ты посмотри! Уже условия ставит. А в церкви помолиться – рука отсохнет? Препятствий-то нет. Таинства обеих церквей взаимно признаются, противостояние конфессий еще не набрало силу. Это позже вцепятся в глотки… В словах ляха, однако, есть резон. Католиков во Владимире мало, но приезжают ляшские купцы. Им понравится. А где купцы – там и деньги.

– Для начала соорудим каплицу в посаде. Далее посмотрим.

Войцех удовлетворенно кивает. Малыга, сидящий справа, подмигивает. Ему Войцех тоже глянулся. Ладно, пора спать. Как я соскучился по Оляне! И Ивану Ивановичу…

5

Святослав вошел в гридницу и затворил за собой дверь. Князья, сидевшие за столом, встали. Пятеро – дружно, шестой – нехотя. На лице Давыда Смоленского явственно читалось: «Подумаешь, Великий! Били мы его…»

«Стерво песье!» – озлился Святослав, но виду не показал. Хоть и собачились они с Давыдом, но на призыв князь откликнулся, дружину привел. Пусть тешится!

– Здравы будь, братия! – сказал Святослав, проходя к столу.

Братия нестройно откликнулась и села на лавки. Великий примостился на стуле с высокой спинкой во главе стола, после чего обвел собравшихся хмурым взглядом. «Кто-то из них! – думал сумрачно. – Кто? (На лицах князей ответ не прочитывался). – Давыд? А зачем ему? Не по нраву было бы – не пришел бы. Значит, свои…»

Мысль была неприятной. Пятеро из шести князей приходились Великому родственниками. Двоюродные братья: Ярослав Черниговский, Игорь Новгород-Северский, Всеволод Курский. Все Ольговичи, одного корня побеги. Между собой могут не ладить, ругаться из-за уделов, но случись вражий набег – встанут горой. Потому как в противном случае лаяться будет не за что. Оставшиеся двое – зятья: Ростислав Белгородский и Володько, бывший князь Галицкий.

Этих подозревать и вовсе глупо: ненавидят Ивана люто. Обоих выгнал из Галицких земель – и с позором. Получается, подозревать некого, и тем не менее – кто-то предал. Кто?

Князья узрели смурое лицо Великого и с вопросами не полезли. Захочет – скажет. А нет – так и спрашивать нечего. Пауза затянулась. Первым не утерпел Володько.

– Дозволь, Великий!

Святослав кивнул. Володько торопливо расстелил на столе свиток, прижав его края с одной стороны ножом, со второй – кошелем. Кошель был потертым и тощим; сидевшие за столом невольно обратили на это внимание.

– По доносам моих людей, – начал Володько, – у Ивана не более тысячи конных дружинников и бояр. Пешцев можно не считать – собрать не успеет. Нас втрое больше. Не устоит.

– Смок в поле разгонит и пять тысяч! – заметил Ростислав, которому не нравилась уверенность Володько. Два года тому соотношение сил дружины Ростислава с Ивановой было такое же, только вернулись белгородцы домой без оружия и коней. Хорошо еще, что живыми.

Володько покосился на шурина, но спорить не стал.

– Прав ты, брате! – вымолвил, отвесив Ростиславу легкий поклон. – Потому не пойдем открыто.

– Это как? – встрял Давыд. – Шапки-невидимки наденем?

Князья, не сговариваясь, ухмыльнулись. Володько, однако, не смутился.

– Шапок-невидимок у нас нет, – сказал спокойно. – А вот

другие найдем.

– Какие? – заинтересовался Давыд.

– Два отряда пойдут в Галич и Звенигород, ряженные купцами. Следует выбрать людей, коих там не ведают. Лучше твоих, брате! – Володько поклонился Давыду. – Они, поди, в Галиче-то и не бывали. Охрана у купцов, как водится, оружная – никто не спросит, зачем при мечах и в бронях. Придут и поселятся в городах. Остальные пойдут ночами, днем станут хорониться в лесах. Пути мною знаемые! – Володько провел пальцем по свитку. – Тех, кто на Галич, поведу сам, другим проводников дам, они у меня добрые. Смоки ночами не летают, а разъезды тропы не стерегут – проверяли. Как придем близко, снесемся со своими в Галиче и Звенигороде. После чего ударим разом! Ночью! Иван нас не ждет. Ряженые упокоят сторожу, откроют ворота, мы ворвемся и захватим их сонными! Повезет – возьмем Ивана, а не выйдет, так что он сделает? Попробуй, выбей из городов! – Володько обвел собравшихся торжествующим взглядом.

«А ведь умно придумано! – подумал Святослав. – Воевать Володько умеет. Еще б и разума Бог дал!»

– А как смоки? – подал голос Ростислав.

– Забыл, брате, как порешили смока в Белгороде? – усмехнулся Володько. – На стенах городов – самострелы, из него ведь того смока убили? В городе змеям нас не взять. К тому же ведомо, где Иван смоков держит. Прежде, чем взять Звенигород, отправим людей с самострелами – это недалеко, и

побьем змеев спящими. Уцелеет один-другой – не беда. Без дружины (а мы ее вырежем) смоки разве что напугать могут.

Князья за столом оживились и загомонили. По лицам большинства видно было, что план Володько им нравился. Лишь Всеволод Курский сидел мрачный.

– Не думаю, что выйдет! – сказал, когда за столом стихло. – Я Ивана добре знаю, не раз с ним в Поле ходил. Его сполохом не взять.

– Половцы взяли! – возразил Володько. – В полоне сидел.

– Так их орда случилась против десятка моих, – не согласился Всеволод, – а смоков у Ивана тогда не было. Теперь есть. Вспомните, братия! Иван помог Ростиславу разбить войско Великого под Белгородом; всего десять воев потерял тогда Ростислав. Из киевлян половина легла. Иван захватил Звенигород вовсе без крови, после чего Галич сам ему поклонился. Ростислава, который с войском в земли Галицкие забрел, Иван прогнал, ободрав зброю и брони, и опять без крови. Кто из нас такой удачей похвалиться может? Гладко говорит Володько, да не выйдет речами его. Кровью умоемся! Я, братия, и вовсе не разумею, зачем на Ивана идти? Земель наших не трогает, войной не грозит, сидит себе тихо. У Володько княжество забрал, так тот сам виноват – разумно править следовало. Иван его даже не гнал: сам сбежал! Теперь мои кметы должны Володько на стол сажать? Я более скажу. Раз собрали войско в Киеве, так идем на половцев! В Поле худое деется. Мне донесли: ближние орды откочевали.

Так всегда бывает перед набегом…

Володько, слушая речь Всеволода, багровел, но возразить не решился. Другие князья переглядывались. Известный своим простодушием курский князь говорил то, о чем они думали. Святослав впился взором в лицо в курянина. «Этот! – думал, чувствуя приступ бешенства. – Он упредил! Дружил с Иваном… Не следовало звать! Теперь поздно…»

– Не разумеешь, так молчи! – процедил сквозь зубы. – Не для того в Галич наладились, чтоб стол кому-то добыть. Иван смуту великую на Руси затеял. Объявил, что по смерти его смерды Галичем править будут.

– Пускай! – пожал плечами Всеволод. – Его Галич – ему и решать.

– А как слух по Руси пойдет! – Святослав с размаху впечатал кулак в стол. – И смерды наши такого же захотят? Сколько их в Курске? По тысяче на каждого твоего дружинника? Нет? Пусть по сто. Все равно, раздавят твоих кметов и в землю втопчут. Заодно с тобой, женой твоею, детьми, братьями и сестрами. Об этом ты мыслил, брате?

В гриднице воцарилось молчание. Каждый из князей, впечатленный словами Великого, невольно думал сейчас об одном и том же. «Смердий князь! Откуда взялся на нашу голову?» Первым не выдержал Володько.

– Когда выступим? – спросил тихо.

Святослав ответил не сразу. Поиграл желваками, вздохнул.

– Не сейчас…

За столом загомонили.

– Иван ведает, что мы замыслили! – Святослав повысил голос, перекрывая ропот. – Грамоту прислал. Вот!

Великий вытащил из рукава пергамент. Видел он плохо, но послание помнил наизусть: ему не раз прочли.

– Пошто зло восклепали на меня, братия? – Святослав сделал вид, что читает. – Пошто котору ладите? Или велю я вам, как правити в землях своих, или зарюсь на княжества ваши? Чем крамолу на меня ковати, рядились бы, как оборонить земли русские, бо изнемогают те от набегов половецких.

Святослав умолк, и в гриднице стало тихо.

– Ивану донес кто-то из нас! – Святослав снова треснул кулаком по столу. – Более некому. Ты! – Он указал на Всеволода.

– Нет, Великий!

Игорь Новгород-Северский, до этого не проронивший ни слова, встал.

– Не мог брат мой меньший тебя предать, да и незачем ему. О походе в Галич весь Киев ведает. Мой сотник вчерась зашел к цирюльнику, а тот лыбится: «Гоже постригу тебя, боярин! Галичским бабам понравится…»

– Откуда? – изумился Святослав.

– Один слово обронил, другой… Грешу на его людей, – Игорь кивнул на Володько.

– Почему моих? – набычился тот.

– Кто слал их пути в Галич разведывать? А зачем это делают, понять трудно? А тут войско в Киеве собралось… Кто-то или жене похвалился, или девке подарок с добычи пообещал. Так и пошло. Не умеют наши люди язык за зубами держать!

«А ведь Игорь прав! – подумал Святослав. – Значит, не Всеволод».

От этой мысли Великому стало легче.

– Что из того, что Иван знает? – подал голос Володько. – Ну, закроет он дороги и смоков поднимет, так мы ночью пойдем и путями тайными…

В этот раз речь собранию не понравилась. Одно дело напасть сполохом и взять легкую добычу! Другое – против смоков…

– Это не все, братия, – произнес Святослав. – Иван Волынь взял.

– Как взял? Когда?

В гриднице зашумели и закричали. Весть ошеломила князей. Волынь… Сильное и богатое княжество на западе Руси, лакомый кусок. По смерти Мстислава княжество стало выморочным, Великий по древнему праву мог дать его в удел. Кому? Многие из собравшихся видели себя на Волыни. Болеслава, севшего на опустевший стол, помехой не считали. Святослав его б не потерпел – выбил бы живо. Кто сел бы взамен? Ярослав? Ему и в Чернигове хорошо. Игорь согласился

бы с радостью, передав Новгород-Северский брату. Освободившийся Курск – место не самое сладкое, но все же удел, а у Давыда в Смоленске сыновья подрастают… Мог Великий пожаловать Волынь и Ростиславу. Тогда б освободился Белгород. Кому его? Володько без стола мается, из милости у тестя живет… Эти соображения и привели князей в Киев. Понимали: походом на Галич дело не кончится. Разгромят Ивана, а после – Волынь! И вот – на тебе!

Святослав терпеливо ждал, когда гам в гриднице стихнет.

– Гонец грамоту Ивана из Владимира вез, – Святослав устало потер глаза. – Тот и поведал, как дело было. Иван пришел к Владимиру и сказал, что он сыновец Мстислава, потому Волынь его.

– А Болеслав? – Володько поперхнулся слюной, вскочил. – Неужто поверил?

– Разумеется, нет! – вздохнул Великий. – С чего бы? Всем ведомо, что княжич Иван сгинул на охоте. Болеслав затворился в городе, Иван под стенами встал. Посады не тронул, запретив людям даже куренка брать, волынцы осмелели и пошли к нему. Иван их приветил и попросил скотину для корма. Цену втрое против обычной положил. Стада из города ему и перегнали. Во Владимире есть стало нечего…

Князья слушали, не веря ушам своим. О таком способе осады они слышали впервые.

– Болеславу деваться стало некуда, вызвал Ивана на переговоры. Думал прилюдно изобличить самозванца, после че-

го убить, только Иван оказался хитрее. Потребовал привести Доброславу, мать покойного княжича. Дескать, коли не признает его княгиня, так сам уйдет. Болеслав спохватился, да поздно: волыняне встопорщились. Привезли Доброславу, а та Ивана возьми и признай…

– Так он сын Ингваря! – ахнул Ростислав.

– Скорее, Петра! – буркнул Володько.

Святослав сердито глянул на обоих. Князья умолкли.

– Никому не ведомо, чей он сын! – сказал Великий. – Доброславу в монастыре голодом морили, служанок ядом потравили, она черта сыном признала бы, дабы живот спасти и обидчиков вывести. Жаден был покойный Болеслав и умом скуден. Коли уж захапал чужую задницю, так видоков убери! Промедлил…

«Мы тоже хороши! – подумал Великий. – Чего ждали? Сразу следовало Владимир занять! Боялся Ивана насторожить. А вот он медлить не стал…»

– Что далее? – не утерпел Всеволод.

– Люди Болеслава стали стрелять в Ивана: хотели убить и ускакать в замятне. Только Иван этого ждал: броню на себя вздел. Даже не поцарапали. Галичане с волынцами кинулись и порубили ляхов, после чего Иван вошел в город. Оставшиеся ляхи сдались. Воевода Болеслава перешел к Ивану на службу.

– Войцех из Сосновца? – изумился Володько. – Не может быть! Звал его к себе, двести гривен жалованья сулил да го-

род в кормление давал – не согласился. Верный пес!

– Был верным, – отозвался Святослав, – теперь Иванов. Да и ратников ляшских князь переманил частью. А теперь размыслите, братия! У Ивана тысяча под седлами, да еще столько волынцев добавилось. Сядут на конь – и через три дни в Киеве. Со смоками! Не мы его, а он нас бить будет!

В гриднице воцарилась тишина. Князья понимали: беда! Собрались по шерсть, а вернутся стрижеными. И чем та стрижка кончится, не хотелось даже прикидывать. «Уходить надо! Не медля! – думал Давыд. – Пусть Великий сам разгребает! Мне забота Киев оборонять?» «Завтра же уйду! – сердился Всеволод. – Великий мне не указ! У меня старший брат есть!» О чем размышляли Ярослав с Игорем, догадаться было не трудно: их мысли явственно читались на лицах и совпадали с устремлениями Давыда и Всеволода. На Володько и вовсе было жалко смотреть. Спланировал великий поход, прикидывал, как сядет в Галиче, и вот на тебе! «Облом!» – как сказал бы его лютый ворог.

Неизвестно, чем кончилось бы это молчание, но его прервали самым бесцеремонным образом. Дверь распахнулась, и в гридницу влетел воевода Горыня.

– Княже! – завопил с порога. – Половцы!

«Говорил же!» – успел подумать Всеволод, но сказать не успел. В гридницу, не спрашивая позволения, один за другим входили воеводы…

⁂

– К Чернигову поганые вчерась подступили, – торопливо рассказывал Горыня. – Пока шатры ставили, воевода Ярослава на лагерь ударил и сумел полон захватить. Добрый! Тысяцкого поганых схватили. Пятки ему поджарили, все и поведал. Гза под Черниговом…

– Гза? – растерянно переспросил Ярослав.

Святослав злобно глянул на брата. «Сволочь! – подумал бешено. – Сносился с погаными, дружбу с ними водил, думал: земли его не тронут. За добычей пусть к другим ходят! Тронули…»

– Если б только Гза, – вздохнул Горыня. – Три хана пришли. Гза стоит под Черниговом, Кончак обложил Путивль, Бельдюзь – Переяславль. При каждом тьма…

Теперь уже переспросил Святослав:

– Тьма?

– Гонец клянется, что так, – подтвердил Горыня. – Не было резона поганому лгать – добре пытали. Прямо на дыбе и помер. Черниговцы трех гонцов выслали упредить, но доскакал один…

В гриднице закричали и зашумели. Святослав сидел молча. Дело повернулось неожиданным образом, причем так, что и хотел бы помыслить, да испугался. Набеги из Поля – обычное дело, в иной год по три-четыре случаются, но этот

превосходил все, раньше виданные. Тьма – это десять тысяч воинов. Пусть даже половец приврал, и на самом деле у ханов по семь-восемь тысяч войска, но и это многократно больше, чем может выставить Русь. Поганые сумели сговориться и обложили города. Взять их не сумеют – не под силу это половцам, но русские дружины заперты. Пока сидят за стенами, половцы ограбят земли. Угонят скот, уведут людей, сожгут веси. Помешать трудно. Ударишь на одного из ханов, тот отскочит и закружит вокруг невеликого русского войска, пощипывая быстрыми наскоками. Не даст отбить добычу. Разделить войско на три части, чтоб ударить по всем – сложить головы. Половцы задавят числом: засыплют войско стрелами, разрежут на части, после чего кого высекут, кого полонят. Как ни крути, а вывод грустный: земля обезлюдеет на годы. А обвинят в том великого князя – и только его. Иван написал верно. Вместо того, чтоб хранить земли, Святослав затеял усобицу. Поддался обидам, забыл, зачем возвели его на киевский стол. Господь напомнил…

Гомон в гриднице, наконец, затих. Князья и воеводы смотрели на Святослава. Решение было за ним. Святослав встал.

– Все слово сказали?

Ответом было молчание.

– Тогда – в Софию!

Лица собравшихся выразили изумление. Великий решил помолиться? Известно, что князь набожен, но сейчас? Мо-

лебен – благое дело, но попы и сами справятся. Не до этого!

– Зачем? – не удержался Ярослав.

– Крест целовать! Прилюдно. Чтоб весь Киев видел!

– Кому? – удивился Давыд.

– Князю Ивану! – ответил Святослав.

6

В Звенигород пришлось возвращаться спешно: обстоятельства требовали. По уму, следовало пробыть во Владимире седмицу-другую: вникнуть в состояние дел, разобраться с боярами и осколками княжьих родов, прикинуть, на кого можно опереться, а на кого – нет. После чего первых возвысить, а вторых – задвинуть куда подальше. Не вышло. Все испортил Войцех. На другой день после взятия Владимира он явился в хоромы и потребовал встречи с князем.

Иван предполагал, что воевода станет просить за ляхов (ему позволили оставить из прежней дружины малую часть), однако Войцех заговорил о другом.

– Киев готовит поход на Галич! – сказал, едва переступив порог.

– Почем ведаешь? – насторожился Малыга, переглянувшись с Иваном.

– У Болеслава в Киеве свой человек! – пояснил лях, присаживаясь на лавку. – Был, – поправился тут же. – При Великом князе состоит.

– Кто?

– Горыня.

– Первый воевода! – ахнул Малыга. – Вот стерво!

– Серебро любит! – пояснил лях, улыбнувшись уголками губ.

«Это он нас уел! – понял Иван. – Дескать, у вас даже воеводы продажные. И ведь не возразишь!»

– Как разумеешь, княже, Болеслав Великого опасался, – продолжил Войцех, согнав с лица улыбку. – Не простил бы тот захват Волыни. Болеславу знать следовало, что в Киеве замышляют. Не жалел серебра. У него и другие люди в Киеве имелись. Донесли, что Великий собирает войско. Снеслись с Горыней, а тот успокоил: не на Волынь, а в Галич намерились. Потому и вышло у тебя, княже, с осадой – не ждали.

«Оправдывается! – понял Иван. – Не может успокоиться, что город отняли».

– Кого Великий призвал? – спросил Малыга.

– Князей смоленского, черниговского, белгородского, новгород-северского и курского.

– Три тысячи конной дружины, – прикинул Малыга, – если не более. А ежели и бояр собрали… Спаси тебя бог, воевода! – он поклонился Войцеху. – Не забудем!

Лях с достоинством откланялся и вышел. По его уходе в гриднице воцарилась тишина. «Твою мать! – думал Иван. – Никак не угомонятся! А чего ты хотел?! – одернул он себя. – Безродному позволят властвовать? Да их кошмары замучают! Рюриковичи княжат более двухсот лет, потомков наплодили – девать некуда, а тут смерд расселся на Галицком столе. Костьми лягут, железо грызть будут, но не успокоятся».

Иван глянул на Малыгу. Тот задумчиво водил пальцем по столу, рисуя какие-то фигуры, и, похоже, не спешил давать

воспитаннику советы. «Хорошо, что взяли Волынь и переманили Войцеха, – подумал Иван. – Не то Великий свалился бы сполохом. Отбиться отбились бы, да большой кровью. Это тебе урок! – сделал вывод. – Разведку надо ставить! Как у Болеслава и лучше. Дядя Саша не раз говорил: разведчик спасает тысячи жизней. В двенадцатом веке или двадцать первом – без разницы».

– Великому надо послать грамоту! – прервал думы князя Малыга. – Пусть ведает, что умысел раскрыт. Поостережется.

– А коли нет?

– Встретим на рубежах. Следует немедленно лететь в Галич. Созвать ополчение, собрать смоков. Дружина пойдет сама: сторожиться некого. Худо, что уходим так скоро, да выбора нет. И еще, – Малыга усмехнулся. – Гонцом к Великому следует отправить волынянина, и выбрать самого говорливого. Пусть поведает, как Владимир брали…

Остаток дня прошел в суете. Бояре и волынская дружина целовали крест новому князю, получали посты новые посадники, воеводы и сотники, менялись огнищане и тиуны. Решающее слово было за Доброславой: на кого указывала, того и ставили. Привередничать времени не было, как и нужды. Судьба княгини отныне была намертво повязана с судьбой «сына». Станет тому худо – «матери» несдобровать. Иван на всякий случай честно предупредил назначенных, что их должности временные. Служите, а дальше посмотрим. Его

поняли и заверили, что не пощадят живота. Спать Иван лег за полночь, но проснулся с рассветом. Вернее, его разбудили.

– Княгиня просит перемолвиться! – сообщил охранник, растолкав Ивана. – Не серчай, княже!

Князь серчать не стал и торопливо оделся. Доброславу впустили, как только застегнул пояс. Иван невольно отметил, как разительно изменилась княгиня за последние два дня. Лицо ее порозовело, глаза горели, в движениях появилась степенная властность. Княгиня по-прежнему была в рясе, но любой, кто глянул бы на нее сейчас, понял: это больше не монашка. Правительница.

– Убегаешь? – спросила Доброслава, поздоровавшись.

– Великий собрался на Галич, – вздохнул Иван.

– Слышала, – кивнула княгиня. – Не пойдет.

– Почему? – удивился Иван.

– Остережется. Побоится великую кровь лить. Старый он, а к старости даже висельники мудреют. Не тревожься. Если все ж посмеет, то знай – Волынь за тебя! Ударим им в спину: не раз пожалеют, что пришли!

– Спасибо, матушка! – поклонился Иван.

– Да хранит тебя Господь!

Доброслава подошла ближе.

– Знаю, что ты не мой, – сказала, не отводя взор от лица Ивана. – Но все мнится: не так. Лик, стать, разум – все как будто мое. Какая мать тебя родила?

– Нет ее! – ответил Иван, мрачнея. – Убили. Давно…

– Ну, так я заменю! Хочешь?

Иван подумал и кивнул. Доброслава шагнула ближе и приникла к груди названного сына. Иван обнял худенькие плечи, и они стояли так какое-то время. Доброслава отстранилась первой.

– Вишь, какая я хитрая! – сказала, глядя в пол. – Первая догадалась. А то набежали бы мамки…

Доброслава повернулась и вышла. Ивану показалось, что он расслышал при этом всхлип, но, скорее всего, ему почудилось. Исторгнуть слезы у Доброславы казалось невозможным. И в час официального прощания княгиня держалась строго. Церемонно поцеловала обретенного сына и отступила, давая возможность боярам приложиться к княжьей руке. Стены города заполнил люд, а кто не поместился – высыпали за вал; те и другие стояли, пялясь на смоков. Змеи сидели на забороле и, будто чувствуя момент, горделиво тянули шеи. Лететь так посоветовал Малыга: пусть видит Волынь, кого приобрела! Прощание завершилось, Иван забрался на спину змея. Олята, обернувшись, ждал, пока князь привяжется. Тем же занимался и Зых, наблюдавший за Малыгой. Князь и воевода справились одновременно. Смоки расправили крылья и сиганули вниз. Люди на стенах ахнули. Воздушный поток подхватил змеев, и они замахали крыльями, набирая высоту. Оглянувшись, Иван увидел взметнувшиеся ввысь руки, и ощутил, как защипало глаза. Поди ж ты! Ничего доброго не сделал людям, а они жалеют о его отъезде.

«Посадника во Владимир все же пришлю! – думал Иван, сердясь на себя за слабость. – Бабе в городе править невместно. Тем более инокине».

Он был зол на княгиню: Градиславу не следовало убивать. В день, когда это случилось, он набросился с упреками на Малыгу, но выяснилось, что батько ни при чем. Градиславу закололи волыняне, а вот кто, выяснить не удалось. Доброслава наверняка знала, но секретом не делилась. Более всего Ивана мучила мысль, что убийц отблагодарили. Если не деньгами, так должностями: вон как лихо раздавали их по указке княгини! Монашка, туды ее в качель!

«И монастыри у них неправильные! – растравлял себя князь. – Где это видано, чтоб монахов челядь обслуживала!»

Насчет челяди было чистой правдой. Монастыри в этом времени были сплошь ктиторские. А кто ктитор[12]? Князь! Князья ставили монастыри не только ради спасения души. Имелся и другой расчет. По обычаю, на смертном одре князей постригали. Дабы простились им грехи, вольные и невольные, а душа направилась прямиком в рай. Случалось, однако, что постриженный выздоравливал, после чего вставал вопрос: что делать? Снять схиму нельзя, а жизнь в постах и молитвах князю не по душе. Вот и селились новоиспеченные иноки за монастырской стеной, но в отдельных хоромах и со штатом прислуги. Ясен пень, что в монастыре князь желал иметь окружение, как и в миру, то есть из бояр

[12] Жертвователь, на чьи средства построен монастырь, а также его попечитель.

и дружинников. Смердам одеть схиму ктитор не позволял. Оттого у Доброславы имелись служанки, которые и спасли ее, приняв яд, предназначенный княгине.

Другой особенностью монастырей был их смешанный состав. Проще говоря, за одной стеной служили Господу и жили бок о бок монахи и монашки. Было это не везде, но часто. Нередко разделению обителей препятствовали ктиторы. Почему? Простая логика. Князя постригли на смертном одре, а он выжил. Переселился в монастырь, но без жены ему скучно. Супруга, следуя примеру мужа, принимает схиму. Брат и сестра во Христе живут и молятся, укрепляя друг дружку духовно и телесно. Грех? Так венчанные же!

«Найти посадника в Волынь будет не просто, – размышлял Иван. – Княжество не меньше Галицкого: десятки городов, тысячи весей… Волынцы воинственны и горделивы, держать их в узде трудно. Боярин с таким не справится – слушать не станут. Пригласить князя? Посадником не согласится – невместно. Вот если бы дали в удел… Счас! Натащит родни, рассадит по городам, глянь – и Волынь уже не твоя. Вышибай затем с насиженного места!»

После первых лет княжения Иван ясно осознавал: главной его проблемой стал дефицит управленцев. Здесь их звали князьями, посадниками и тиунами, что не меняло дело. Управленцы должны проводить в жизнь затеянные преобразования, а как быть, если не умеют? Или, что того хуже, не хотят? Они привыкли, что князю нужна дань, остальное его

не волнует. Посадники грабили люд, отстегивая князю положенное и не забывая, естественно, про свой карман. При этом мало заботясь: сыт ли смерд, хватит ему хлеба до нового урожая и сыщется ли зерно, чтобы засеять ниву? Иван грабеж запретил. Велел люд не обижать и следить, чтоб бояре этим не баловались. Как справиться, если обучен другому?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.